

всепириная историа в романах

Эрнест ДЮПЛЕССИ

ФИЛИПП АВГУСТ

Всемирная история в романах

Эрнест Дюплесси

Филипп Август

«ВЕЧЕ»

Дюплесси Э.

Филипп Август / Э. Дюплесси — «ВЕЧЕ», — (Всемирная история в романах)

ISBN 978-5-4484-7122-3

Время правления Филиппа Августа на рубеже XII–XIII веков стало переломным в истории Франции. Умный и дальновидный политик, он сумел превратить свои разрозненные феодальные владения в крупное государство, одно из сильнейших в средневековой Европе. Его борьбе против внутренних и внешних противников (в первую очередь против коварного английского короля Иоанна Безземельного) посвящен роман Эрнеста Дюплесси. Автору удается сочетать историческую достоверность с увлекательным сюжетом в лучших традициях рыцарского романа, берущих начало от «Айвенго» Вальтера Скотта. Вместе с героями книги читателю предстоит участвовать в боях и осадах, турнирах и поединках, стать свидетелем коварных интриг и истинного благородства.

ISBN 978-5-4484-7122-3

© Дюплесси Э.

© ВЕЧЕ

Содержание

Предисловие	6
Глава I	8
Глава II	14
Глава III	22
Глава IV	26
Глава V	33
Глава VI	38
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Эрнест Дюплесси Филипп Август

Печатается по изданию: Э. Дюплесси. Филипп Август. – СПб., изд. Е.Н. Ахматовой, 1870

© ООО «Издательство «Вече», 2017

* * *

Предисловие

Филиппу II (1165–1223) выпало стать одним из самых выдающихся королей Франции. Его сравнивали с Карлом Великим и римскими императорами, откуда взялось его почетное прозвище Август, то есть «Преумножитель». По мнению многих авторитетных историков, с эпохой этого государя связано превращение Франции из скопления феодальных владений в крупное государство, одно из сильнейших в средневековой Европе.

Однако начало правления Филиппа отнюдь не предвещало таких масштабных свершений. Отцом Филиппа был Людовик VII (1137–1180) – человек благочестивый, добродетельный, но слабый правитель, совершенно неспособный обуздать своевольных вассалов. А самым крупным из этих вассалов был король английский Генрих II, который помимо английского трона занимал престол герцога Нормандского, а также выступал владельцем целого ряда иных земель во Франции, за которые и приносил феодальную присягу-оммаж французскому королю. Но одно дело присяга, другое дело – реальная власть. Умный, циничный и агрессивный Генрих энергично теснил Людовика, собирая под своей властью все новые и новые владения, пока его так называемая Анжуйская империя не вобрала в себя больше французских территорий, чем их осталось у самого французского короля.

Существовала весьма вероятная возможность, что английский государь поглотит слабеющую Францию, создав под своим скипетром новую европейскую сверхдержаву. Тем более что у Людовика VII долгое время не было наследника. Поэтому день 25 августа 1165 г. стал переломным в истории, ибо именно в этот день у Людовика и его третьей жены Адели Шампанской родился сын Филипп. Мальчику так радовались, что назвали его Богоданным (Dieudonné). Впрочем, радость вполне могла оказаться преждевременной, потому что ребенком Филипп не отличался крепким здоровьем, часто болел, да и был робок и пуглив – совсем не подobaющие качества в век, когда рыцарские доблесть и отвага ценились превыше всего. Незадолго до дня, в который отец решил короновать сына (Филиппу тогда почти исполнилось четырнадцать лет), юноша заблудился во время охоты в лесу и был найден еле живым от ужаса и голода только на третий день поисков. От потрясения у Филиппа началась горячка. Снедаемого страхом за жизнь единственного сына Людовика разбил паралич. Через год король умер. 18 сентября 1180 г. пятнадцатилетний Филипп II вступил на престол Франции. Молодого и неопытного юношу со всех сторон окружали враги, и его правление обещало стать бесславным и недолгим. Но вышло иначе. За внешне робкой натурой молодого короля обнаружились железная воля, гибкий ум и дальновидность.

Умело настраивая против Генриха Английского его сыновей, а затем перессорив между собой и самих братьев, Филипп сумел отвратить угрозу поглощения Франции могущественным соседом и в свою очередь начал теснить англичан, отбирая у них замок за замком, город за городом. Решающий момент наступил после смерти в 1199 г. самого опасного из его противников – Ричарда Львиное Сердце, вместе с которым Филипп ходил в Третий крестовый поход (1189–1192) и с которым долго и безуспешно воевал. Когда непобедимого Ричарда сменил на английском троне коварный и беспринципный, но слабовольный Иоанн (Джон), прозванный потомками Безземельным, ситуация коренным образом изменилась в пользу Филиппа. Тем не менее борьба шла долгая и упорная, и исход ее определился в драматической битве при Бувине 28 июля 1214 г., описанию которой отведено много страниц исторического романа Эрнеста Дюплесси.

Немало места уделено в книге Дюплесси и личной жизни Филиппа Августа, сюжету тоже весьма запутанному и интригующему. Его первая жена Изабелла де Эно умерла при родах совсем молодой, не дожив до двадцатого дня рождения. Второй брак с принцессой датской Ингеборгой оказался неудачным – король без объяснения причин отверг жену сразу после пер-

вой ночи. Вопреки тому что папа не дал разрешения на развод с Ингеборгой, Филипп женился в третий раз, на дочери маркграфа Истрийского Агнессе Меранской. Как и следовало ожидать, своеволие государя вызвало суровый гнев церковных властей. О том, как развивались события и чем они завершились, читатель узнает из романа Эрнеста Дюплесси «Филипп Август». Хотя автор, стремясь к художественной выразительности, допускает ряд отступлений от исторических фактов, в целом роман довольно точно отражает непростую эпоху в жизни французского государства и образ такой неординарной личности, как Филипп II Август, король, «подаривший французам Отечество», как выразился Морис Дрюон.

Александр Яковлев

Глава I

Теплым весенним утром 1200 года отряд всадников, блестящее вооружение и богатая экипировка которых покрылись пылью за время продолжительного пути, медленно поднимался на знаменитую гору Дор в Оверни.

Яркий блеск солнца, отражавшийся от шлемов, живописный пейзаж, многочисленные неровности дороги, то нырявшей в бездну оврага, то взбиравшейся на отвесные скалы – все помогало придать этой кавалькаде воинственный и живописный вид.

Оруженосец на крепкой лошади ехал в качестве дозорного на сто шагов впереди отряда. Эту предосторожность делали необходимой небезопасность дорог и многочисленные шайки разбойников.

Оруженосец был человек высокий и сильный, со смуглым цветом лица, с резкими чертами; черные живые глаза скрывались под густыми бровями. Зоркий взгляд, вечно настороженный, не упускавший ни малейшего возвышения на дороге, даже самого крошечного кустика, не рассмотрев его с мелочным вниманием, так же как и суровая и серьезная физиономия, выдавали в нем солдата, давно привыкшего к опасности и искусного мастера узнавать о ее приближении.

Он был экипирован с ног до головы. Но форма оружия, без всяких украшений, хотя превосходной работы, не позволяла спутать его даже издали с двумя рыцарями, которые следовали за ним. Они не сняли доспехов, но заменили шлемы большими коричневыми шапками, а руки без нарукавников и латных рукавиц позволяли видеть рукава камзолов, подбитых красной шелковой материей. Золотой крест, висевший на груди, и пальмовая ветвь на шапке показывали, что они возвращались из крестовых походов. Оба были молоды, и их наружность, гордая без дерзости, благородная и непринужденная осанка показывали высокое происхождение. Но более всего в них поражал контраст.

Один, ехавший на могучем немецком жеребце, черном как гагат, медленная и гордая поступь которого гармонировала с серьезным и сдержанным видом всадника, выглядел лет на тридцать. Высокий и сильный, он носил свое тяжелое вооружение с легкостью, выдававшей большую физическую силу. Лицо его поражало не столько правильностью черт, сколько выражением благородства и достоинства. Но красота его была затуманена меланхолией. Нахмуренные брови и неопределенное выражение взгляда указывали на ум, долго блуждавший в туманных краях мечтаний, и обнаруживали какое-то тайное горе.

Другой, несколькими годами моложе первого, казался бы почти ребенком, если бы солнце Палестины не сделало смуглым цвет его кожи, – столько было живости в его больших голубых глазах, находившихся непрерывно в движении, веселости на его свежем лице и лукавства на губах, вечно улыбавшихся.

Он был не так высок, как товарищ, но искупал этот недостаток ловкостью движений, чем еще более отличалась арабская лошадь, на которой он ехал; и если беззаботность и любовь к удовольствиям читались на физиономии всадника, то по шраму, бледной линией проходившему по его щеке, становилось ясно, что он не щадил себя в битвах.

За ними ехал многочисленный отряд воинов, среди которых виднелись оруженосцы, которые держали копыта своих господ или вели за узду их боевых коней; наконец, небольшой отряд стрелков замыкал шествие.

Уже около часа оба всадника поднимались на гору, а старший, невидящий задумчивый взгляд которого блуждал по великолепному пейзажу, ни словом не обменялся со своим спутником. Тот от скуки напевал себе под нос любовную песенку или отпускал остроумные замечания, всегда оставаясь без ответа. Младшему наконец надоело молчание и, обернувшись к своему другу, он дотронулся до руки его, чтобы привлечь внимание.

– Возможно ли, д’Овернь, – воскликнул он полусерьезным, полушутливым тоном, – чтобы вид твоей родной страны, которую ты посещаешь после продолжительного отсутствия, не мог вырвать у тебя ни слова, ни взгляда?

Граф д’Овернь поднял голову, рассеянно осмотрелся вокруг.

– Если бы мне предсказали пять лет тому назад, что со мной случится что-нибудь подобное, я дурно принял бы это предсказание и был бы не прав... – ответил он, грустно улыбувшись. – Я печальный спутник для тебя, мой бедный Куси!

Ги де Куси беззаботно покачал головой.

– Печаль тем хороша, по крайней мере, – сказал он, – что она не заразна, как чума. Притом ты хранишь свою так глубоко в сердце, что даже будь она заразна, угрозы бы не было. Однако, если верить доброму менестрелю короля Ричарда: «Тот, кто делится печалью, находит облегчение, хранящий же ее в сердце своем, греет там жалящую змею».

– Он, может быть, прав, но я слишком завидую твоей счастливой веселости для того, чтобы нарушать ее рассказом о моих горестях.

– Моя веселость переносила более тяжелые удары и не поколебалась, – возразил Куси.

Потом, боясь, что оскорбил своего друга, он продолжал с живостью:

– Я не хочу этим сказать, что я остался бы равнодушен к рассказу о твоих печалях. Я не так сумасброден как кажусь, Тибо, и хотя охотнее бываю на пирушке, чем на похоронах, я умею, при случае, сочувствовать горестям друга и даже подать ему хороший совет.

– Ты мне это так часто доказывал, что я не могу этого забыть, мой добрый Куси. Но все твои старания были бы бесполезны, от моего горя нет лекарств.

– Полно! – сказал Куси, слегка пожимая плечами. – Нет ни одного происшествия на свете, которое не имело бы своей хорошей стороны, и если добрый рыцарь Самсон нашел мед в пасти льва, когда охотился с королем сарацинов...

– Ты хочешь сказать филистимлян? – перебил Тибо д’Овернь, не в силах удержаться от улыбки.

– Конечно, – отвечал Куси, несколько не смутившись. – Если он нашел мед, то я всегда нахожу в несчастьях, случившихся со мной, предмет для какого-нибудь утешительного размышления. Один из моих друзей падет на поле битвы? Я благодарю Бога, что он умер не от чумы, как такое множество других, а как храбрый рыцарь с мечом в руке. Обманет меня жид? Я утешаюсь мыслью, что на том свете он непременно попадет в ад. Изменит мне любовница? Я тотчас возьму другую; а так как я всегда нахожу новую красавицей и считаю более верной, то не сожалею о той, которая меня обманула, будь это королева.

При слове королева яркий румянец выступил на лице графа д’Оверня, который пристально посмотрел на Куси, стараясь прочесть его мысли. Но тот не заметил ничего и продолжал таким же веселым и одушевленным тоном:

– Тебе следовало бы стыдиться, Тибо, ты поверг в прах больше сарацинов, чем привешено колокольчиков к колпаку моего шута, а не можешь сладить с таким недругом как Горе.

Приняв вдруг трагическую позу, он воскликнул, снимая перчатку:

– Горе, ненависть, бедность, равнодушие, любовь! Я, вооруженный одной моей веселостью, вызываю всех вас на бой и бросаю вам мою перчатку!

Делая вид, будто бросает перчатку этим невидимым врагам, он громко расхохотался.

– Ах, Куси! – сказал Тибо д’Овернь, который не мог удержаться от завистливого вздоха, – по твоей веселости видно, что ты никогда не любил.

– Я никогда не любил? – с негодованием вскричал Куси. – Если бы кто другой, Тибо, осмелился нанести мне такое оскорбление, то клянусь, я заставил бы его раскаяться! Знай, что из всех европейских рыцарей нет ни одного, который любил бы, я не скажу больше, но чаще меня!

– Это не любовь.

– И нет ни одного, – продолжал Куси, раздраженный возражением, – который дал бы более блистательные доказательства своей страсти! Я сражался целый день в одном камзоле, не имея другого оружия, кроме копья и щита, за прекрасные глаза дочери Танкреда. Я выпил шесть бочонков вина в три дня с принцем Суабом из любви к его жене; а хорошенькая маркиза де Сиракуз до того вскружила мне голову, что для того, чтобы отдалить мой отъезд на неделю, я прятался под юбкой и чепцом ее камеристки, так что ты искал меня везде и не находил.

– Делая это, мой добрый Куси, – возразил Тибо д’Овернь, которого болтовня спутника вывела из апатии, – ты доказал не то, что влюблен, а что твое сумасбродство равняется твоей храбрости... Но где же мы? – вскричал он вдруг. – Эй, Гуго! – продолжал он, пришпорив лошадь и обращаясь к оруженосцу, ехавшему впереди, – ты знаешь эту дорогу?

– Она пустынна и безопасна.

– Я спрашиваю тебя, не боишься ли ты, что мы заблудимся?

– Не ручаюсь, так как уже шесть лет минуло, как мы проезжали по этой дороге в последний раз, а за это время нам столько приходилось странствовать, что у меня в голове все смешалось. Однако, если край не переменялся, я могу уверить, что тропинка, обходящая эту скалу, ведет к церкви Сен-Павенской Богоматери.

Он указал на узкую и извилистую дорогу, которая шла к вершине отвесной скалы. Успокоенный оруженосцем, Тибо д’Овернь вернулся к спутнику. Между тем часть горы, по которой они ехали, принимала все более дикий вид. Огромные глыбы лавы то и дело возникали под ногами путешественников, и все следы зелени исчезли. Тропинка, заметно суживавшаяся, была едва доступна для лошадей, и граф д’Овернь, к которому вернулись сомнения, опять хотел спросить оруженосца, когда тот вдруг остановился и повернулся к своим господам.

– Что такое? – вскричал Тибо, подъезжая к нему.

– Мы не можем ехать дальше, ваше сиятельство, – отвечал оруженосец. – Мост, перекинутый над потоком, снят, а с обрыва спуститься нельзя.

Действительно, в этом месте дорогу пересекал поток, протекавший на двадцати футах глубины между скалами, возвышавшимися вертикально и неприступно, как стены. Мост, состоявший из толстых бревен, связанных веревками, был сложен на противоположной стороне, и так как от путешественников его отделяла пропасть в пятнадцать футов шириной, установить мост снова не было никакой возможности.

– Клянусь небом! – вскричал Куси, подъехавший к своему другу, – как это неприятно!

– Надо возвращаться, – сказал оруженосец.

– Осмотрим сначала местность, – возразил молодой человек, энергичность которого восставала против подобного предложения.

Посмотрев с минуту на препятствие, он позвал одного из своих пажей и велел подать ему шлем и меч.

– Какое новое сумасбродство ты замышляешь? – с живостью осведомился граф д’Овернь. – Что хочешь ты делать?

– Нечто очень простое, – холодно отвечал Куси. – Ветер доносит до меня звуки голосов из ущелья, которое ты видишь там, и я хочу поехать туда расспросить о дороге.

– Что ты это, Куси? Ни человек, ни лошадь не могут перескочить через это ущелье.

– Ты не сказал бы этого, если бы знал, на что способен мой славный Зербелин, – возразил молодой человек, лаская шею своего арабского коня. – Для него этот прыжок будет игрушкой.

– Но ведь противоположный берег покатист! Твоя лошадь не может там удержаться, если и перепрыгнет. Притом она устала.

– Устала! Ты ее не знаешь, говорю тебе. Ну, пропустите же! – прибавил Куси, обращаясь к солдатам.

Не слушая более возражений, он отъехал на несколько шагов, потом кольнул лошадь шпорами и пустил ее вперед. Повинуясь своему всаднику, конь полетел, как стрела, и легко

перепрыгнул через бездну. Но случилось то, что предвидел Тибо д'Овернь. Зербелин не смог удержаться на покатой скале, поскользнулся – и лошадь и всадник покатались на дно ущелья.

– Боже мой! – вскричал испуганный граф, наклонившись над бездной. – Он погиб! Куси! Куси! Отвечай! Ты ушибся?

– Зербелин не ушибся, – раздался жалобный голос из глубины ущелья.

– А ты? Отвечай же!

Слабый стон был единственным ответом, который получил граф д'Овернь. Он старался, наклонившись сильнее, разглядеть дно бездны, но густые кусты, росшие на берегу потока, мешали ему. Но Гуго де Барр, оруженосец, исполнявший должность проводника, соскочил с лошади и, сняв наскоро самые тяжелые части доспеха, начал спускаться по скользкой покато-сти ущелья, но его остановил громкий окрик:

– Остановитесь! Остановитесь! Если вы пойдете далее, ваши ноги столкнут камни, которые могут нас завалить.

– Кто вы? – спросил граф д'Овернь.

– Отшельник часовни Дорской Богоматери, – отвечал голос. – Если вы друзья этого рыцаря, езжайте назад и через милю отсюда найдете дорогу, которая ведет к ущелью, но если вы его враги, я приказываю вам именем Бога Живого продолжать ваш путь, не преследуя его, потому что он не в состоянии защищаться и находится под покровительством креста.

Не удостоив ответом оскорбительное подозрение, заключающееся в последних словах, граф д'Овернь немедленно поехал назад с своей свитой и действительно нашел на указанном отшельником расстоянии тропинку, которую не заметил, проезжая мимо, до того она показалась ему узка и непроходима. Но едва он сделал по ней несколько шагов, как узнал, что эта дорога, искусно проложенная между откосами ущелья, мало-помалу расширяется и ведет в долину по отлогому и почти неприметному склону. Скоро он заметил на берегу потока группу из оруженосцев и камеристок. Среди них, возле прекрасного испанского жеребца, каких в то время любили дамы, стоял арабский конь Куси. Целый и невредимый, но еще испуганный своим падением, скакун вырывался из рук четырех пажей, удерживавших его.

В нескольких шагах далее виднелся вход в грот, вырытый в скале рукою человека. Тибо д'Овернь, соскочив наземь, направился в ту сторону, и первое, что поразило его взгляд, когда он переступил порог грота, был его друг, лежавший без чувств на грубом ложе, составленном из соломы и сухого тростника.

Высокий старик в коричневой рясе, с худым лицом и длинной белой бородой, сидел возле молодого человека. Тонкая струя крови лилась из руки последнего в деревянную чашку, которую держал паж.

Рядом с отшельником стоял низенький мужчина с седыми волосами, богато одетый, живые и пронизательные глаза которого, властные черты и резкие движения выдавали человека вспыльчивого характера, не привыкшего к противоречию.

Он смотрел на эту сцену скорее с любопытством, чем с сочувствием. Взор его переносился даже с каким-то раздражением с раненого на молодую женщину лет двадцати, которая была его дочерью и прекрасное лицо которой, обращенное к раненому, горело кротким состраданием и нежным беспокойством.

В то время, когда все женщины, даже самые знатные, должны были, по обычаю, оказывать помощь раненым рыцарям и имели первоначальные понятия о хирургии, поступок молодой дамы был весьма естественным. Без жеманства и ложного стыда она стояла на коленях напротив отшельника и в своих нежных ладонях держала руку Куси, подстергая минуту, когда он придет в чувство.

Граф д'Овернь остановился у входа в грот, с беспокойством ожидая результата кровопускания и не смея прервать молчания. Гуго де Барр последовал за ним, как и любимый паж Куси,

Эрмольд де Марси, пятнадцатилетний юноша. Испугавшись крови, Эрмольд схватил Гуго за руку.

– Они его убьют, – сказал он шепотом. – Посмотри, как хозяин бледен.

– Молчи, сумасшедший, – отвечал Гуго де Барр также тихо. – Разве ты никогда не видал, как наш цирюльник пускает кровь старому барону?

– Этот отшельник имеет дурные умыслы, говорю тебе, – настаивал парнишка. – Посмотри, как он рассматривает карбункул, служащий печатью сиру Ги. Он хочет его убить, чтобы потом обокрасть.

– Ты что, рассудка лишился? – возразил его старший товарищ почти с негодованием. – Разве граф д’Овернь, знающий хирургию не хуже священника, позволил бы пролить кровь своего брата по оружию, если бы не знал, что это для его пользы... Посмотри, вот сир Ги открывает глаза. Господь да благословит вас, святой отшельник, за помощь, которую вы подали господину! – прибавил он вслух.

Куси в самом деле опомнился от обморока. Он обвел грот еще затуманенным взором и, узнав графа д’Оверня, промолвил голосом слабым, но с веселой улыбкой:

– Ну, Тибо, я чуть было не прыгнул дальше, чем хотел, и Зербелин чуть было не унес меня прямо в рай.

Приметив молодую даму, стоявшую на коленях возле него, он прибавил вежливым тоном:

– Тысячу раз благодарю вас, прелестная сударыня. Вы возвратили мне больше сил, чем я смел надеяться, и я могу теперь встать. Дай мне руку, Гуго.

Но отшельник властно положил ладонь на грудь молодого человека и сказал тоном более насмешливым, чем сострадательным:

– Имейте терпение, сын мой. Может быть, этот жалкий мир не весьма приятное местопребывание. Однако если вы не хотите променять почетное место, которое в нем занимаете, на шесть футов земли в углу кладбища, надо лежать спокойно. Мы перенесем вас в Сен-Павенскую часовню, где вы найдете помещение более приличное для больного и где я поставлю вас на ноги в два дня, если ваш мудрый ум согласится слушать мои советы в продолжение столь значительного времени.

Говоря таким образом, он перевязал руку рыцаря, который, обнаружив себя более слабым, чем полагал, покорился, не возражая предписаниям отшельника.

– Добрый отец, – сказал тогда граф д’Овернь, отводя старца в сторону, – если ушибы этого рыцаря опасны, признайтесь мне откровенно, и я тотчас пошлю за доктором в Мон-Ферран.

– Я думаю, сын мой, – ответил отшельник тем насмешливым тоном, который был ему свойствен, – что если это падение, расшибив тело этого молодого безумца, способно восстановить равновесие его ума, он недорого купил бы небольшую долю благоразумия и рассудка. А доктора оставьте в Мон-Ферране. Ваш друг будет подвергаться большей опасности в его руках, чем в моих. Лекарь может его убить, а самое плохое, что могу сделать я, так это дать ему умереть своей смертью.

– Я не ошибаюсь! – вскричал вдруг седовласый мужчина, который несколько минут смотрел на графа д’Оверня с радостным удивлением. – Хотя глаза мои ослабели от старости, однако они могут еще узнавать друга, а вы, молодой человек, граф Тибо д’Овернь?

– В самом деле, – отвечал Тибо, – если память мне не изменяет, я имею честь приветствовать графа Жюльена дю Мона, бывшего товарища моего отца по оружию.

– Его самого, мой юный друг! – сказал ветеран, с жаром сжимая протянутую ему Тибо руку. – Я покинул Фландрию два месяца тому назад, чтобы посетить вашего отца в его резиденции Вик-ле-Конт, и был бы уже там, если бы благочестивое желание моей дочери Алисы исполнить обет, данный Сен-Павенской Богоматери, не заставило нас свернуть с дороги. Но вы знаете, без сомнения, зачем я еду, – сказал он шепотом. – Дело идет о плане, давно задуманном

манном вашим отцом и мною, об одном важном политическом деле, где можно приобрести славу и выгоды.

– Я пять лет не видал моего отца и только что вернулся из Палестины, – отвечал граф д’Овернь, указывая на пальмовую ветвь. – Но я рад, что мое возвращение позволяет мне первому принять гостя, и надеюсь, сир Жюльен, что вы мне позволите проводить вас с моим отрядом в Вик-ле-Конт, где, без сомнения, вас с нетерпением ждут.

Предложение было принято, Тибо и граф Жюльен вышли вместе и распорядились приготовить носилки, которые должны были перевезти раненого в Сен-Павен и дать приказание к отъезду.

Между тем Куси, возле которого молодая девушка оставалась одна во время этого разговора, смог внимательнее ее рассмотреть. Ему не потребовалось продолжительного осмотра, чтобы понять, что никогда еще в своих странствованиях он не встречал лица столь прелестного, обращения равно любезного и скромного, которое способно было внушить любовь. Между тем сам рыцарь, человек вовсе не робкий, ощущал смятение и замешательство. Его уста, обыкновенно так искусно передававшие чувства его сердца, с трудом находили самые простые слова, и к своему великому удивлению, Куси не только не осмелился попросить у Алисы перчатку или ленточку, чтобы привязать к своему шлему как знак признательности, но даже, пытаясь выразить ей свою благодарность, придумывал такие избитые фразы, что ему стало стыдно своей неловкости и глупости. Однако он оправился и обрел, без сомнения, часть своего красноречия, потому что хотя мы не беремся уверенно предположить, что творилось в сердце молодой дамы, следует отметить, что когда стали перекладывать его на носилки, щеки Алисы зарумянились, а глаза блестели сильнее обыкновенного, а во время путешествия она не раз оборачивалась с тревожным видом к раненому.

Не раз также, забывая подгонять своего прекрасного испанского жеребца, она оставалась позади, чтобы слышать сведения, которые Эрмольд де Марси сообщал Гуго де Барру и солдатам о здоровье Куси.

Это не было замечено, потому что Тибо, в глазах которого, когда Алиса была ему представлена отцом, не проявилось ни малейшего восторга, погрузился в прежнюю задумчивость; а старый граф Жюльен был озабочен только тем, как в наиболее привлекательном виде изложить свои политические планы д’Оверню.

Часовня Сен-Павенской Богоматери возвышается в самой живописной местности, на правом берегу озера, находящегося почти на вершине горы. Прозрачные воды озера затемнены столетним лесом, величественная масса которого возвышается на противоположном берегу. В то время из всей Франции стекались туда богомольцы, и несколько келий было выстроено возле часовни для священников, служивших в ней.

Когда путешественники доехали через час до цели своего путешествия, отшельник велел положить Куси в одной из этих келий на ложе из мха, приказав оставить его одного.

Приказание было благоразумное, потому что усталость вкупе с слабостью больного и потрясением от падения произвели сильную горячку с бредом. Но этот бред не сулил ничего опасного или мучительного. Ум рыцаря, проблуждав некоторое время среди воспоминаний о турнирах и сражениях, которыми было наполнено его воображение, занялся затем исключительно Алисой, образ в мечтах представлялся ему еще обольстительнее, чем в действительности.

Молодой человек спрашивал себя, почему находя ее прекрасной, он не смел сказать ей этого; почему он, обыкновенно столь смелый и столь быстро воспламенявшийся, оставался возле нее холоден и смущен. Когда к нему возвратился луч рассудка, Куси заключил, очень благоразумно, что это потому, что прежде он не был влюблен. Потом, обрадовавшись этому счастливому открытию, больной заснул сном праведника.

Глава II

За две мили от часовни Сен-Павенской Богоматери, но не в той части горы, через которую проезжали граф д'Овернь и его друг, два дня после описанных нами происшествий, по направлению к часовне ехал человек, странный костюм которого невольно привлекал внимание.

Его одежда, не будучи нарядом шутов, которых знатные люди того времени держали при себе, тем не менее представлял собой смесь самых разнообразных цветов. Ноги его облегли узкие штаны огненного цвета, а голубой суконный полукафтан стягивал широкий желтый пояс из кожи. Из-под этого облачения выглядывали просторные рукава зеленого шелкового камзола, а черная шапка смешной формы достойным образом дополняла этот странный костюм.

Когда одинокий путник поехал по самой дикой части горной дороги, то заметил, что около дюжины человек, спрятавшись за растущими по обочине кустами, внимательно наблюдают за ним.

Это были стрелки, вероятно, принадлежавшие к разбойничьей шайке и спрятавшиеся тут с намерением ограбить путешественников, которых им пошлет небо, или по крайней мере взять с них дорожную пошлину, по весьма сомнительному праву.

Хоть и не обманываясь насчет намерений этих людей, наш путешественник продолжал ехать, не обнаруживая своего беспокойства иначе, как подрагиванием кончика носа. Но когда он заметил, как один стрелок вдруг приподнялся из-за куста и натянул лук, то стремительно переменял позу: опираясь на длинные руки, встал на седло головой, а ноги вздернул вверх. Лошадь его, видимо привыкшая к этим резким движениям, ни на секунду не сбилась с шага.

Эта ловкая штука, которую всякий видел в цирках, поразила разбойников, и из-за кустов, служивших для них убежищем, послышались крики удивления.

– Это сам черт! – воскликнул целившийся лучник, выронивший от испуга стрелу.

Однако один из грабителей, менее суеверный, после минутной нерешимости встал.

– Если это черт, – сказал он, – тем больше причин воткнуть ему стрелу в грудь. Черт он или нет, только бы у него был в кармане кошелек, более я ничего от него не требую.

И недрогнувшей рукой выстрелил из лука.

Но щелчок тетивы предупредил всадника, и тот рухнул мгновенно поперек седла, как мешок с мукой, и уклонился от стрелы, которая пролетела выше, не задев его. Сев опять на седло, он смело поехал навстречу разбойникам и обратился к ним с хохотом:

– Ха-ха-ха! Они стреляют в своего покровителя и надеются попасть в него. Ах, дураки, не узнали сатаны, своего повелителя? Ну, не смотрите на меня, вытаращив глаза. Если я черт, то по крайней мере добрый, и брошу вам кость, голодным волкам! Станьте завтра между Викле-Контон и Сен-Павеном; по дороге пройдут пилигримы, каких встретишь не каждый день. У них в кошельках больше золотых безантов, чем в ваших дырявых карманах перебывало эю, и если вы не оберете их до нитки, если оставите им хоть один денарий, я не признаю вас моими слугами!

Один из разбойников, испуганный более других, перекрестился.

– А, ты меня прогоняешь вместо благодарности, – продолжал всадник, вздернув нос с величественным видом. – Берегись, чтобы не раскаяться прежде, чем пройдут сутки. Ну, до свидания, мои добрые друзья. Мы увидимся, обещаю вам: если не завтра, то на виселице! Ха-ха-ха!

Скорчив разбойникам самую отвратительную гримасу, на какую был способен, он ускакал в галоп, заливаясь дьявольским хохотом.

– Да защитит нас Богородица! – вскричал атаман разбойников, когда первое оцепенение миновало. – Это был сам дьявол! Хватайте луки, друзья, и пустите ему вслед тучу стрел. Они нам зачтутся в раю.

Стрелки поспешно повиновались. Но или руки их дрожали, или расстояние было слишком велико, но всадник продолжал свой путь, не подозревая даже, какой опасности подвергался.

Это был один из тех людей, которые от излишней озабоченности, или по слабости ума, говорят вслух, не сознавая этого, и высказывают бродящие в их мозгу мысли. Продолжая путь, всадник время от времени бросал кустам отрывистые фразы:

– Они будут драться завтра, ха-ха-ха! А я буду на них смотреть! Если воины будут убиты, я возьму их пояса и получу золото! Золото! Золото! А если погибнут разбойники, я выворочу их карманы! Вчера они ограбили богатых купцов, а завтра их ограблю я! Славная штука! Если бы у них хватило ума всадить стрелу в сердце этого Тибо д’Оверня, как я попрал бы ногами эти презрительные губы, которые назвали меня сумасшедшим! А мой достойный господин, этот глупец, этот дурак, этот дерзкий нищий Куси... Ха, я велю отполировать кость его руки и сделаю из нее ручку для кнута моего волчка... А, он меня прибил, потому что я похитил хорошенькую девушку при разграблении Константинополя! Ну, он не узнает ничего. Зачем он посылает меня в Бургундию? Нет, он не узнает ничего. Он будет богат, и у него будет прекрасный замок, а меня отправят в кухню как собаку... А, славную историю я ему расскажу!

Или потому что эта мысль исключительно его занимала, или потому что его усталое воображение вдруг заснуло, путник замолчал и не говорил более ни слова до Павенской часовни, куда приехал через час.

Отшельник сдержал слово. Куси, почти выздоровевший, мог в тот же день исполнить свой обет и вместе с Тибо д’Овернем положить на алтарь свою пальмовую ветвь.

Алиса со своей стороны исполнила свое обещание, а граф Жюльен с нетерпением желал приехать к отцу Тибо, и потому решили отправиться утром в Вик-ле-Конт, когда наш путешественник явился в келью, где собрались благородные пилигримы.

Это был один из фигляров, сопровождавших пилигримов во Втором крестовом походе в Палестину. Взятый в плен неверными, он вытерпел несколько лет очень жестокого плена, которые сильно повредили его ум. Нельзя сказать, чтобы шут помешался и ловкая хитрость, с какой он спасся от разбойников, выдавала скорее лукавство, чем безумие. Но весь здравый смысл, остававшийся у него, сосредоточился в непроницаемой массе хитрости и злости, которыми он любил, как вредные животные, гадить другим при всяком случае, не обращая при этом внимания на то, сулит ему это выгоду или нет.

Де Куси, выкупивший его из плена, был далек от мысли, что подобный человек мог быть опасен, и приписывал все его недостатки помешательству. Зная притом, что шут необыкновенно силен и очень искусно владеет оружием, молодой рыцарь смотрел на него, как на забавного слугу, который мог быть полезен при случае, и обращался с ним очень ласково.

Когда Галлон – так было имя шута – явился к своему господину и узнал о несчастье, случившемся с ним, он расхохотался и сказал:

– Ха-ха-ха! Вот славная история.

– Как, шут? – вскричал Куси. – Ты смеешь потешаться над несчастьем, случившимся с твоим господином?

– Я не над этим смеюсь, – отвечал Галлон, почесывая нос.

– А над чем же?

– Над одной мыслью, которая ко мне пришла. Знаете ли, Куси, что надо быть чертовски ловким, чтобы исполнить подобный прыжок, не сломав себе костей, и что с членами такими гибкими, не говоря уже о ваших других способностях, из вас вышел бы прекрасный акробат.

Ах, какая прекрасная мысль! И как мне хотелось бы видеть, как вы сделали бы сальто-мортале перед обществом благородных дам.

Обидевшись на шутку, которая была высказана в присутствии Алисы, Куси погрозил кулаком фигляру, и приказал ему отдать отчет о своей поездке.

– Она не имела никакого успеха, и я потерял свое время и ваши деньги, – отвечал Галлон, прищурив один глаз, а другой с бесстыдством устремив на своего господина. – Ваш дядя, граф де Танкарвиль, не пришлет вам ни одного денария.

– Как?! – воскликнул Куси с удивлением. – Мой дядя, самая благородная и великодушная душа, какую я когда-либо знал, отказывает в услуге, которую предлагал мне тысячу раз! Неужели лета ослабили его ум, или скупость с годами прокралась в его сердце?

– Не спешите обвинять его, молодой человек, – сказал отшельник строгим тоном, – и не осуждайте прежде, чем узнаете, виноват ли он.

– Может быть, вы узнали бы причины его поведения, – сказала Алиса, – если бы дали объясниться этому человеку. Он, кажется, желает говорить, судя по его гримасам.

– Да благословенны будут ваши нежные губки, прелестная дама! – вскричал Галлон. – Они первые в продолжение многих лет называли меня человеком. Хотите добрый совет вместо благодарности? Выходите замуж за моего господина – только сумасшедшие умеют сделать жен счастливыми. Я знаю об этом кое-что, ха-ха-ха!

Яркий румянец покрыл щеки Куси и Алисы, а старый сир Жюльен дю Мон засмеялся шутке, говоря, что находит ее превосходной.

– Полно, перестань гримасничать, – с нетерпением сказал Куси. – Что тебе сказал мой дядя?

– Что он мне сказал? Ничего, и по самой веской причине, ха-ха-ха! Он умер!

– Дядя умер, а я обвинял его в скупости! Да простит мне Господь! Ты заставил меня согрешить против его памяти, презренный шут. Но как он умер, в какое время?

– Никто не знает где, когда и как он исчез, но он умер, в этом нет сомнений, и король французский и герцог бургундский уже оспаривают друг у друга его наследство, ха-ха-ха!

– Ты смеешься, негодяй? – вскричал Куси, ударив Галлона по голове нарукавником так, что шута отбросило на другой конец комнаты. – Это научит тебя смеяться над тем, что заставляет плакать других. Клянусь моей душой, господа, – прибавил он, обернувшись к Тибо и к графу Жюльену, – мой дядя де Танкарвиль был один из благороднейших людей и храбрейших рыцарей в королевстве. Он обещал сделать меня своим наследником, и я не сомневаюсь, что он сдержал свое слово, если мог. Но я отказался бы от всех поместий, которые он мне оставляет, чтобы не услышать этого известия.

Насмешливый хохот раздался в другом конце комнаты.

– Ты опять смеешь смеяться? – воскликнул Куси, с негодованием смотря на Галлона. – Над чем ты потешаешься, идиот?

– Над вашим великодушием! – отрезал фигляр. – Вы благородно жертвуете тем, что не принадлежало вам никогда. Граф де Танкарвиль не оставил завещания и его наследство перейдет к королю или к герцогу Бургундскому – к тому из них, у кого рука окажется длиннее, чтобы взять его, и сильнее, чтобы сохранить; по крайней мере, это мне вам передал управляющий из Безансона.

Сказав это, Галлон в два прыжка очутился возле двери и исчез.

– Но сын мой, – сказал отшельник, который, несмотря на свое самообладание, сильно переживал из-за случившегося, – почему вам нужно завещание, чтобы получить наследство вашего дяди, если он не оставил детей?

– Граф де Танкарвиль не был собственно моим дядей, – пояснил Куси. – Он женился на сестре моего отца, которая умерла прежде него. Но дядя очень меня полюбил и с детства, а особенно во время моего пребывания в Палестине, где я получал от него и помощь, и письма,

он осыпал меня своими благодеяниями. И потому теперь, когда я узнал, что его нет уже на свете и что его состояние оспаривают, поверьте, отец мой, я жалею не о его наследстве, а о том, что смерть отнимает у меня лучшего друга, какого только я имел.

– Я обвинил бы тебя в несправедливости ко мне, Куси, – сказал тогда Тибо д’Овернь, – если бы причиной отречения от дружбы со мной не была вполне естественная печаль. А об этом наследстве тебе не придется жалеть, пока я жив. Ты знаешь, что половина моего состояния принадлежит по праву другу, который три раза спас мне жизнь.

– Куси благодарит тебя, – благородно отвечал молодой человек, – но хотя он беден, но хочет всем быть обязан самому себе. Я владею последней свободной землей во Франции и покажу себя достойным этой чести. Напрасно вы улыбаетесь, граф Жюльен, ибо это факт: я не обязан платить подати никому, даже королю.

– Притом откуда тебе знать, что это наследство потеряно? – продолжал Тибо. – Слова твоего шута не заслуживают никакого вероятия, и ты мог бы, Куси, выбрать посла более достойного доверия. Этот Галлон больше зол, чем глуп, и очень хитер. На твоём месте я сам поехал бы в Бургундию или послал туда надежного человека.

– Я не сделаю ни того ни другого, – с живостью возразил Куси. – Никто не скажет, что видел, как Куси шатался как нищий около поместьев, которые могли ему принадлежать, а посылать другого гонца было бы бесполезно. Ты, Тибо, несправедлив к Галлону. Бедняга храбр как лев и признателен за то, что я сделал для него. Ни за что на свете не захочет он меня обмануть, а если бы и захотел, то не способен выдумать подобную историю. Она должна быть справедлива. Что мне за нужда, впрочем, до потери этого наследства? Пока у меня остаются мое копьё, мой меч и мои шпоры, я сумею проложить себе путь.

Граф Жюльен встал, Куси неспешно подошел к Алисе и предложил ей руку, чтобы проводить в ее келью. Тибо не настаивал. Он слишком хорошо знал своего друга. Но возвращаясь в свою комнату, обещал себе или лично отправиться в Дижон, если вскоре представится случай поехать Бургундию, или послать туда доверенного оруженосца, чтоб узнать, справедлив ли рассказ Галлона.

На другой день на рассвете наши путешественники отправились в путь к Вик-ле-Конту под защитой отряда Тибо, к которому присоединились оруженосцы и воины графа Жюльена. Они уезжали, когда отшельник, помощь которого оказалась так полезна Куси, приехал на лошаке и сказал Тибо:

– С вашего позволения я поеду с вами.

Граф д’Овернь удивился этому неожиданному желанию.

– Если я оставляю уединение, где я намеревался кончить мою жизнь, это против моей воли, сын мой, – продолжал отшельник серьезным тоном. – Я навсегда отказался от света, и мое намерение было искренним. Но если позволительно иногда насмехаться над безумством людей, непозволительно отказывать им в помощи, когда можешь быть полезен. Меня зовет король, и я еду по его приказанию.

– Как! – удивленно воскликнул граф Жюльен. – Неужели вы тот самый отшельник из Венсенского леса, знаменитый во всем христианском мире своими предсказаниями и влиянием на короля Филиппа?

– Да, к моему несчастью, – отвечал старик, – потому что шум, который подняли около моего имени безумцы, отнял от меня единственные блага, которые теперь имеют цену для меня: уединение и спокойствие. Королевский гонец привез сегодня ночью письмо, призывающее меня в Венсен, и я повинуюсь.

– И дай Бог, добрый отец, – сказал граф Жюльен, – чтобы вы оправдали надежду, возлагаемую на вас, и отговорили Филиппа Августа от намерения, исполнение которого заставит возмутиться всех его вассалов. Скажите королю...

– Я буду говорить то, что внушит мне глас Божий, – строго перебил отшельник. – От него, а не от смертных, ослепленных жадностью и честолюбием, жду я просвещения и мудрости. Граф, – прибавил он пророческим голосом, – тот, кто видит грозу, собирающуюся над головой других, не замечает бездны, разверстой под его ногами. Вы следуете по опасному пути, и вместо того, чтобы развезжать по всей Франции и отыскивать врагов вашего повелителя, раздувая войну и раздоры, вы поступили бы правильнее, если не оставляли вашего замка.

– Добрый отец, – возразил граф Жюльен, покраснев от гнева и досады, – я не король и не обращаюсь к вам за советами. Подождите подавать их, пока вас не попросят.

Отшельник порывисто вскинул исхудавшее лицо, негодование оживило его черты мимолетным пламенем, и разговор, без сомнения, принял бы опасный оборот, если Тибо, вмешавшийся с свойственным ему достоинством, не увлек отшельника в сторону, переключив его мысли на другой предмет.

Граф д'Овернь уже пять лет как оставил Францию, и в стране совершилось много событий, о которых он почти ничего не знал. Король Филипп Август принял несколько важных мер, которые возбудили сильное негодование в его вассалах; желая узнать сущность этого неудовольствия, радуясь, что может расспросить человека такого сведущего, как отшельник, Тибо завел с ним продолжительный и серьезный разговор, в котором граф Жюльен, присоединившийся к ним, как только прошла его досада, скоро принял живое участие.

Куси не вмешивался. Алиса, ехавшая позади, непреодолимо привлекала его, и он скоро присоединился к ней, сделав это так искусно, что это не привлекло ничьего внимания.

Алиса, обычно бледные щеки которой раскраснелись от прохладного воздуха гор, никогда не была очаровательнее. Ее большие черные глаза, до того рассеянно смотревшие на пейзаж, потупились при приближении рыцаря. Но кровь, бросившаяся ей в лицо, и очевидное замешательство сказали счастливому Куси, что к его присутствию неравнодушны, и что если его не ждали, то по крайней мере приняли с удовольствием.

За два дня, в которые Куси имел случай беспрестанно находиться в обществе молодой девушки, он успел преодолеть странное волнение, которое она ему внушала, и обрести часть былой непринужденности. Однако чары, которые скромное обращение Алисы и ее нежная красота наложили на него, без сомнения еще действовали, потому что юноша напрочь лишился смелости и веселости. Но эта перемена не пошла ему во вред, а напротив, только подчеркнула великодушные чувства его превосходного сердца, слишком часто находившиеся в тени ветренности. Она позволила ему даже достичь довольно больших успехов в приобретении уважения Алисы и ее симпатии.

Скоро, вступив в разговор, вроде как пустяковый, но оставляющий глубокие следы в сердце влюбленных, молодые люди забыли все окружавшее, занявшись исключительно друг другом, и Бог знает сколько времени длилось бы это забвение, если бы Гуго де Барр, ехавший впереди, не развернул вдруг лошадь и не подскакал во весь опор к своим господам, крича:

– К бою! Я заметил шевеление в кустах. За ними спрятались люди, и на нас наверняка нападут.

– Ха-ха-ха! – раздалось в арьергарде. – Ха-ха-ха!

В одно мгновение маленький отряд всполошился. Рыцари наскоро снятые на время пути доспехи, воины бросились вперед, чтобы отразить первый удар, а пока стрелки занимали самые выгодные места, женщин поместили в арьергард под защиту оруженосцев.

Но прежде чем эти различные передвижения были исполнены, разбойники неприметно приблизились, скользя за кустами. Им удалось напасть внезапно, и с обеих сторон дороги, из-за всех скал, из всех кустов на путешественников посыпался град стрел.

Две или три лошади, слегка раненные, стали на дыбы; воины пришли в смятение, и женщины, которые еще не успели поместиться в арьергарде, подверглись этому дождю убийствен-

ных стрел. Одна из них попала бы даже в Алису, если бы Куси, не расставившийся с нею, не прикрыл ее своим щитом.

– Галлон! – закричал он, заметив шута, который суетился среди этого беспорядка как в своей стихии. – Возьми мой щит и закрой им эту даму, пока не поместишь ее в безопасное место. Возьми также мое копьё, оно мне не нужно против таких негодяев!

Схватив тяжелый топор, висевший на луке его седла, он замахал им над головой и поскакал в галоп, крича:

– Святой Михаил! Куси! Куси! Отбивай!

Тибо д'Овернь и граф Жюльен уже бросились на самое опасное место. Развернув своих воинов, которые отступили перед градом стрел, они устремились на разбойников, преграждавших им путь.

Грабители, хотя и были хорошо вооружены, не ожидали такого натиска тяжелой массы людей и лошадей и убежали, как стая испуганных птиц. Рыцари двигались неприступно и непреодолимо, но через двадцать шагов вдруг остановились. Железная цепь, протянутая с одной стороны дороги до другой, остановила их порыв.

Трое, не успев остановиться, повалились наземь со своими лошадьми, а разбойники, выстроившись за образовавшимся барьером, осыпали путешественников длинными стрелами, которые летели с пронзительным свистом, направляемые ловкими руками, и поражали самые уязвимые места в доспехах.

Тут-то и подъехал Куси. Его лошадь также не могла перепрыгнуть через препятствие, но топор, которым он махал над головой, упал с блеском молнии, и цепь, разорванная этим страшным ударом, с шумом упала.

Куси проехал, за ним Тибо д'Овернь и воины, и топор опять опустился, уже на голову первого встретившегося разбойника, и раздробил ему череп так легко, как будто его не защищал железный шлем. Тогда началось одно из тех сражений, которых бывало так много в Средние века, когда рыцари, закрытые непроницаемой броней, могли без труда разделяться с беззащитной толпой. В отряде Тибо д'Оверня насчитывалось не больше двадцати человек, а разбойников было свыше двухсот. Но стрелы, пики и сабли бессильно притуплялись о доспехи рыцарей и их воинов, между тем как они, неуязвимые для ударов и отражавшие их как скалы отражают волны, громили все попадавшееся на пути.

Спокойный и надменный Тибо д'Овернь, который всегда показывался в опасных местах, на десять шагов впереди всех храбрецов, ужасал разбойников холодной и безжалостной храбростью.

А Куси, восхищаясь мыслью, что дерется на глазах Алисы, не помнил себя от радости и пугал грабителей смелостью и бешенством нападений. Прокладывая своим страшным топором кровавый путь среди самых густых групп, он не наносил напрасно ни одного удара, и как только враги примечали его издали, то бежали от него как соломинки, разносимые ветром.

Однако исход боя оставался неясным. Пусть и удивленные этим неожиданным сопротивлением, разбойники не трусили. Неизменно отступая, но находя надежное убежище в откосах гор, они беспрестанно возвращались, и уже два или три воина пали под их ударами, более или менее опасно раненные.

И все же они начали отступать, когда вдруг пронзительный крик, раздавшийся в арьергарде, достиг ушей Куси и заставил его лицо побледнеть под опущенным забралом шлема. Он остановился и обернулся. Потом восклицание бешенства и отчаяния сорвалось с его губ, и молодой рыцарь устремился к арьергарду, опрокидывая друзей и врагов.

Предчувствуя близкое поражение, атаман разбойников ловко укрылся в овраге с двумя десятками разбойников. Потом, внезапно появившись в арьергарде, рассеял оруженосцев, которым была поручена защита женщин, и схватил Алису, которую увлек по дороге.

Этот-то крик перепуганной девушки услышал Куси и бросился в погоню за человеком, уводившим бедняжку. Догнать разбойника в ту минуту, когда он съезжал с дороги в гору, опрокинуть его ударом топора и вырвать у него Алису было для Куси делом одной минуты. Но разгоряченный преследованием, он заехал один довольно далеко, а когда хотел развернуться, разбойники, хотевшие во что бы то ни стало получить свою добычу, преградили ему путь.

В одно мгновение он был окружен. Стесняемый присутствием Алисы, которую он поднял с земли и поместил в седле, озабоченный прежде всего ее защитой, он бесполезно расточал удары своего страшного топора.

Разбойники окружили его со всех сторон, цеплялись за ноги рыцаря и лошади, и старались опрокинуть их. Зербелин, раненный в шею, с трудом держался на ногах. Еще минута, и один из храбрейших рыцарей христианского мира пал бы безмолвно на большой дороге, вероломно пораженный ничтожными разбойниками, когда дьявольский хохот раздался позади него. Они остановились, как громом пораженные.

Галлон, шут, вооруженный длинным копьём и своей отвратительной физиономией, которая одна стоила десяти человек, пустил свою огромную серую кобылу в гущу сражающихся, произнося при каждом наносимом ударе «ха-ха-ха!» так громко и так причудливо, что даже сам Куси испугался.

– Черт! черт! – заорали разбойники, узнав Галлона и, охваченные паническим ужасом, разбежались во все стороны. Только один остановился, чтобы пустить стрелу в фигляра.

– Нет, это не черт, – сказал он. – Это изменник, который чуть было не вовлек нас в засаду, и я убью его прежде, чем сам умру.

Стрела полетела. Но Галлон уклонился от нее при помощи присущей ему гибкости, а потом с издевательским «ха-ха-ха!» бросился в погоню за разбойником, который избежал смерти от длинного копья только тем, что споро влез на скалу, неприступную для всадника.

Битва окончилась. Разбойники, державшиеся в расчете на успех диверсии, предпринятой их командиром, обратились в бегство по долине, когда увидели, что атаман упал под топором Куси, а стрелки Тибо погнались за теми, которые бросились в горы.

Галлон соскочил со своей лошади и, проворно обобрав карманы у двух мертвых грабителей, снимал с них одежду, когда Куси приметил его и подъехал ближе.

– Галлон! – закричал он, занося топор над головой фигляра. – Галлон-шут!

Галлон поднял голову, сделал гримасу и продолжал свое дело.

– Если бы я не чувствовал жалости к твоему сумасшествию, я разбил бы тебе череп, негодяй! – сказал Куси. – Ну, вставай! – прибавил он, стукнув шута ручкой топора, – и не наклоняйся над трупами как коршун. Что ты сделал с дамой, которую я поручил тебе? Зачем ты ее бросил?

– Что я сделал? – холодно отвечал Галлон. – Я проводил ее под скалу с ее женщинами, и не моя вина, что она вышла оттуда посмотреть, как вы сражаетесь. Зачем я ее бросил? Затем, что мне хотелось видеть битву и помочь сильнейшим, ха-ха-ха!

В этих последних словах могло быть больше правды, чем Куси подозревал, но обезоруженный рассказом о поведении Алисы, он оставил шута и присоединился к своим товарищам.

Подобные схватки случались слишком часто в то время, когда происходила эта история, чтобы уделять ей много внимания, как только опасность миновала. Д'Овернь, велев перевязать самые опасные раны, восстановил порядок в своем маленьком отряде, и путники немедленно отправились в путь, оставив коршунам и воронам трупы двадцати разбойников, брошенных мертвыми или ранеными на равнине.

Алиса, еще взволнованная своим приключением, предоставила отцу благодарить Куси. Но если губы были безмолвны, то в ее глазах, без сомнения, не было недостатка в красноречии, потому что когда проезжали через то место, где происходила битва и Куси увидал, как

Алиса повернулась к нему с невольным движением, он заплатил бы тысячу безантов, чтобы разбойники напали еще раз.

Разбойники, однако, недалеко разбежались. Как только последний человек из отряда путников скрылся за ближайшим поворотом дороги, над кустами стали высовываться головы, потом из-за камней появились люди и спустились на дорогу. Это были грабители, спешившие подобрать тела товарищей и ограбить их.

Только один не принимал участия в этом деле: тот, который стрелял в Галлона. Бледный, растревоженный, он ходил от трупа к трупу, внимательно рассматривая каждого, но когда дошел до человека, похитившего Алису, то упал на колени и зарыдал.

– Ален! Мой бедный Ален! Мой возлюбленный брат, – приговаривал он. – Стало быть, это правда, они убили тебя!

Бросившись на окровавленное тело, он покрыл его поцелуями и слезами. Потом, резко приподнявшись, сказал:

– Они тебя убили, но я знаю их имена, и этот Куси, который разбил тебе голову топором, и этот жалкий фигляр, который нас завлек в засаду, еще попадутся мне на пути. Прежде чем пройдет год, я отниму их жизнь, или они возьмут мою. Клянусь тебе, Ален, и пусть Господь, который слышит меня, проклянет меня и в этом мире и в другом, если я не сдержу своей клятвы!

Как бы успокоенный этим решением, принятым перед лицом смерти, он оставил труп и вернулся к товарищам.

– Пусть раненых перенесут в надежное место, а мертвых похоронят! – велел предводитель. – Сегодня вечером мы оставим Овернь.

Исполнив приказание, разбойники исчезли в долине. Дорога опустела, и только лужи крови и обломки оружия напоминали об ожесточенной борьбе, происшедшей там.

Глава III

Компъен, который всегда составлял принадлежность короны, ко времени нашего расказа стал королевской резиденцией. Город менее обширный чем ныне, представлял зато более сельский и живописный вид. Многочисленные сады, разбросанные со всех сторон между домами, пропускали волнами свет и воздух, а соломенные кровли, устланные мхом, придавали ему вид веселости, которое не имеет холодное однообразие более поздних черепичных и аспидных кровель.

Старый замок, который более старались укреплять, чем сделать удобным жилищем, располагался тем не менее в прекрасном месте, и из его узких окон открывался с одной стороны лес, простиравшийся необозримым океаном зелени, а с другой – берега Уазы, за излучинами которой взгляд мог следовать гораздо дальше того места, где эта река сливалась с Эной.

За две недели до приезда графа д'Оверня и Куси к Павенскому озеру, в квадратной комнате первого этажа большой башни замка, внутри одной из глубоких амбразур окон, сделанных в толстых стенах и составлявших благоприятное убежище для мечтательности или скромных излиятий любви, сидели двое. Эти две особы, исключительно занятые друг другом, по-видимому, наслаждались без задней мысли одним из тех счастливых мгновений, которые обозначают, как светлые точки, первые дни союза, основанного на взаимной любви.

Одна была молодая женщина лет девятнадцати, и ее белокурые волосы, заплетенные в косы, обрамляли чистое и свежее личико, нежную и трогательную красоту которого заставляла сиять любовь. Подпирая щеку одной рукой и с задумчивым видом устремив большие голубые глаза на пейзаж, она предоставила другую руку своему собеседнику, который нежно сжимал ее в ладонях.

Собеседник ее был мужчина лет тридцати трех, высокого роста и правильного сложения. Его голубые глаза были бы замечательно прекрасны и выразительны, если бы не сидели слишком близко один к другому и если бы несколько темных пятен не портили их лазурь. Однако черты его были приятны, и вместо того чтобы омрачать его умное и благородное лицо, сей изъян глаз, привлекая внимание, еще более подчеркивал блеск живого и пронизательного взгляда.

Впрочем, вся его наружность выражала спокойствие и редкое достоинство, а простой охотничий костюм, подчеркивающий фигуру, красноречивее королевской мантии говорил о царственной осанке. Это был не кто иной, как Филипп Август.

– Вы очень задумчивы, милая Агнесса, – сказал он после минутного молчания, нежно привлекая к себе свою собеседницу и прерывая таким образом ее мысли.

Эта молодая женщина была Агнесса Меранская, на которой он женился несколько месяцев тому назад, после того как французские епископы расторгли его брак с Ингебургой, сестрой датского короля Канута, к которой он с первого свидания почувствовал непреодолимое отвращение.

– Вы очень задумчивы, – продолжал он. – Куда увлекли вас мысли?

– О, очень далеко отсюда, – отвечала Агнесса, подняв глаза и устремив на короля взгляд, исполненный той глубокой нежности, которую женщина чувствует к предмету своей первой любви. – Очень далеко от этого замка и от этого двора, гораздо дальше великого королевства и больших городов моего Филиппа, а между тем все же рядом с ним. Я думала об истории, где мой отец остался один, сожалея о моем отсутствии, и говорила себе, что жизнь государей, всегда принужденных судьбой разлучаться с теми, кого они любят, часто бывает горька и печальна.

– И без сомнения, вы желали оставить вашего Филиппа и воротиться к отцу? – сказал король с улыбкой, показывавшей, что он предчувствует, какой ответ будет дан на его вопрос.

– О нет! Нет! – вскричала Агнесса. – Но смотря в это окно и припоминая, что дорога, проходящая через лес, ведет в Истрию, я начала желать, чтобы мой Филипп был простым рыцарем, потому что тогда ничто не удерживало бы его здесь, и он мог бы отвезти меня к отцу, и тогда я наслаждалась бы, соединившись со всеми, кого я люблю, счастьем без всякой примеси.

– А если бы завтра вам сказали, Агнесса, – продолжал Филипп тоном, исполненным меланхолической горечи, который поразил молодую девушку, – если бы завтра вам сказали, что вы можете оставить меня и воротиться к вашему отцу, вы не поедете?

– Оставлю ли я вас? – отвечала Агнесса, с удивленным видом устремив на короля взгляд больших глаз и глядя на него с беспокойством. – Оставлю ли я вас? Никогда! А если вы меня оставите, я умру! Но что хотите вы сказать, Филипп? Напрасно улыбаетесь... Вы говорили сейчас серьезно?.. Поцелуй – не ответ.

– Я шутил, милая Агнесса, – отвечал Филипп, нежно сжимая в объятиях молодую женщину. – Отказаться от вас? Я откажусь скорее от короны!

Пока он говорил, дверь отворилась, портьера, закрывавшая ее, приподнялась и на пороге боязливо и почтительно показался один из придворных.

– Что вам нужно? – вскричал Филипп, поспешно отстраняясь от молодой женщины, стан которой обнимал рукой. – Как вы осмелились войти сюда без зова?

Блеск глаз и вспыхнувшие щеки выдавали запальчивость характера, которая была свойственна королю, но которую ему удавалось преодолевать. Даже когда не мог сдержать ее порывов, он почти всегда успевал повернуть их к выгоде своей политики.

– Государь, – отвечал придворный с поклоном, – епископ Этьен Герен приехал из Парижа и просит аудиенции.

– Пусть войдет, – сказал Филипп.

Когда явился Герен, самый надежный его министр и самый задушевный его друг, черты короля, искаженные гневом и нетерпением, уже приняли серьезное и сдержанное выражение.

Герен был человек высокого роста, с худым, суровым лицом... Он принадлежал к ордену госпитальеров и сохранил их черную сутану и крест, даже будучи избран Санлисским епископом. Гость откинул капюшон и низко поклонился королю, который сделал несколько шагов навстречу и принял его как равного.

– Добро пожаловать, Герен, – сказал Филипп, – хотя я не ожидал вашего посещения. Я вам оставил, уезжая из моего доброго города Парижа, столько трудных дел, что считал вас еще занятым их распутыванием.

– Дело, которое привело меня сюда, имеет важность совсем другого рода, – отвечал министр. – Это-то и придало мне смелость нарушить ваш покой. Письмо от папы Целестина привез вчера нарочный...

– Письмо от папы! – вскричал Филипп, неприметно от Агнессы делая своему министру знак молчать. – Мне стоит пройти в кабинет и внимательно, без помех прочитать послание святого отца. Милая Агнесса, – прибавил он, обращаясь к королеве, – подождите меня несколько минут. Я обещал вам оторвать эти три дня у дел и посвятить вам. Я не забуду моего обещания и незамедлительно вернусь.

– Я не захотела бы ни за что на свете, государь, – отвечала Агнесса, – чтобы мой Филипп пренебрег для меня хоть на минуту делами своего королевства или интересами короны. Я буду ждать вас здесь, не жалуясь, зная, какая причина удерживает вас. Не слушайте Филиппа, сир Герен, – прибавила она, обернувшись к госпитальеру с любезной улыбкой, – если он вам прикажет сократить ваш рассказ из любви ко мне.

Епископ поклонился королеве, не говоря ни слова, но с видом глубоко почтительным, и пошел за королем, который, по выходе из комнаты Агнессы, вошел в длинный коридор, ведущий в башню, где находился его кабинет.

Там Филипп бросился на стул и, сделав знак Герену запереть дверь, протянул руку, как бы требуя письмо папы.

– Ни слова об этом глупом деле при королеве, – сказал он прелату, взяв поданное им письмо. – Пусть она не знает никогда, что папа делает затруднения! Я за все короны Карла Великого не соглашусь, чтобы она подозревала, будто в мой развод с Ингебургой вкралась малейшая неточность, происходящая, впрочем, только от придирок римского двора... Ну, что говорит Целестин?

– Государь, он угрожает вам отлучением от церкви и анафемой.

– Напрасная угроза! – сказал Филипп, презрительно улыбнувшись.

– Ваша догадка более точна, чем вы сами думаете, государь. Папа не мог бы сдержать своей угрозы, если бы и хотел! Он умер.

– Умер! – воскликнул Филипп, побледнев. – А вы мне только сейчас это говорите! Когда это случилось? Собрался конклав? Сделан выбор? Ну, говорите же, Герен!

– Конклав выбрал кардинала Лотария, государь. Вы его знали во Франции и видели в Риме. Это человек великого ума.

– Слишком великого! Он перевернет весь мир, если захочет, а он захочет, – произнес Филипп с задумчивым видом. – Это не Целестин, и мы о нем услышим!

Он встал и с взволнованным видом сделал несколько шагов по кабинету. Потом остановился и, положив руку на плечо епископа, воскликнул:

– О, если бы я мог положиться на моих баронов! Если бы я мог положиться на их обещания! Это не потому, что я не питаю уважения к римской церкви, Герен! Богу известно, что в случае надобности я ценой моей крови утвердил бы ее торжество над магометанами и еретиками! Крестовый поход в Палестину, наказание Амори, изгнание жидов из моих владений служат доказательствами моей веры и моей преданности. Но этот Лотарий...

– Этот Лотарий ныне стал Иннокентием III, государь. Это человек, одаренный твердой и возвышенной душой; он вынашивает обширные замыслы и сумеет их исполнить; он могуществен, любим; это будет великий человек... Умоляю вас, государь, поразмыслите о том, как вы поступите, если папа Иннокентий III будет смотреть на это дело так, как его предшественник.

Филипп не отвечал. Неподвижный и с потупленными глазами, он погрузился на некоторое время в глубокие размышления. Потом кровь бросилась ему в лицо, глаза засверкали, и схватив одной рукой руку Герена, он поднял другую с угрожающим видом, и вскричал:

– Он не сделает ничего! Он не посмеет! Ах, Герен, если бы я мог положиться на моих баронов!

– Вы не можете, государь, – отвечал госпитальер с почтительной твердостью. – Ваши бароны недовольны. Они волнуются, и внутренний покой вашего королевства должен больше опасаться их планов, чем ваше личное счастье честолюбия Иннокентия III. Они уверены, что папа разрешит их от клятвы верности вам; и он это сделает, если вы дадите ему предлог. Разве вы не знаете, что происходит? В эту самую минуту граф Жюльен дю Мон, друг и вассал графа Булонского, изменника, и графа Фландрского, ремесло которого возмущаться, предпринял путешествие в Овернь с той только целью, чтобы наделать вам там врагов. Сир Жюльен недоволен, потому что вы не дали ему Бомез...

– Они разбудят льва, Герен! – вскричал король, топая ногами. – Они разбудят льва! Но пусть берегутся! А, сир Жюльен недоволен? Но жители его города Альбера также недовольны и требуют хартии. Пусть ее дадут им тотчас, с правом окружить себя стенами и самим защищать свой город. Нам был нужен свободный город на границах Фландрии, так мы получим его! И горе сир Жюльену, если он посмеет воспротивиться этому! А что касается других, то во что бы то ни стало мы не будем жертвовать нашим личным счастьем, не пойдем на уступки ничьей воле. Мы возвысили французский скипетр не для того, чтобы склонять его по воле прелата, будь он во сто раз страшнее этого Лотария! Не настаивайте, Герен, это будет бесполезно, и осо-

бенно остерегайтесь, чтобы королева не узнала ничего, что может возбудить ее беспокойство. Я решился, говорю я вам. Я Филипп, король французский, говорю, что этот развод совершен; кто же в моем королевстве осмелится опровергать мои слова?

Отметая любые возражения, король вышел из кабинета и, сделав Герену знак следовать за ним, отправился в ту комнату, где его ждала королева. Он вошел молча, но шума его шагов оказалось достаточно, чтобы вывести Агнессу из задумчивости, и как ни кратко было отсутствие короля, черты молодой женщины, когда та увидела мужа, оживилась радостью и удовольствием.

Она побежала к нему навстречу и, положив на его ладонь свою крошечную и прелестную ручку, которую воспевали даже монахи и отшельники, посмотрела ему в глаза, пытаясь понять, сулят ли полученные им известия беды, которые могли бы нарушить их счастье. Но она не могла заметить ничего тревожного и печального.

Филипп, уже целиком овладевший собой, с нежностью смотрел на нее и, полюбовавшись с минуту с улыбкой на губах, обернулся к Герену и взглянул на него с упреком.

Госпитальер, несомненно, понимал, как было бы трудно королю расстаться с такой любящей и любимой супругой, и уж во всяком случае сознавал, что сейчас неудачный момент вызывать к голосу рассудка. Поклонившись Филиппу и Агнессе с видом более печальным, чем недовольным, епископ вышел из комнаты.

Вполне предавшись своему счастью, король и не думал удерживать министра.

Глава IV

С глубоким беспокойством и с невыразимой тоской наблюдал Филипп Август, как на горизонте поднимались две грозовые тучи и приближались мало-помалу, все увеличиваясь – то были опасности, о которых говорил ему Герен: возмущение вассалов и борьба с папой.

Но если он был одарен быстрым и проницательным взглядом, то обладал также находчивым умом и неукротимым мужеством. Чувствуя, что борьба неизбежна, король давно к ней приготовился, но не обнаруживал своих приготовлений и, напротив, скрывал их под беззаботным видом, который обманул самых хитрых людей.

Празднества, турниры, развлечения всякого рода сменялись при дворе, и Филипп, по наружности занятый только своей молодой супругой, по-видимому, хотел отметить свой новый союз длинным рядом непрерывно возобновляемых удовольствий. Он вернулся в Париж, где условия позволяли с большей простотой совмещать удовольствия и дела. Через три недели после визита Герена, прекрасным весенним вечером он сидел у окна в своем старом дворце и дышал свежим воздухом реки, серьезно рассуждая со своей милой Агнессой о приготовлениях к пиру. Он записывал имена приглашенных. Агнесса стояла, облокотившись о спинку его кресла.

Филипп славился вкусом в устройствах празднеств.

В это время вошел Герен. Он стал рядом с королем и стал ждать.

– Еще пир, государь, – сказал епископ, оставшись наедине с королем и Агнессой тем серьезным тоном, который превращает замечание в упрек.

– Да, мой добрый Герен, – отвечал Филипп, улыбаясь, – еще пир в большой зале дворца, на котором, я надеюсь, и вы будете присутствовать, а через два дня турнир в Шампо. Посмотрите на него, милая Агнесса, точно я ему говорю не о празднестве, а об общественном бедствии и приглашаю его на похороны?

– На похороны вашей казны, государь, и о бедствии ваших финансов, – отвечал Герен тем же серьезным и печальным тоном.

– Хорошо, хорошо, я знаю, что вы хотите сказать, – продолжал король с веселым видом. – Но у меня есть средства, о которых вы не знаете, секретная казна, откуда золота хватит мне надолго.

– В самом деле, государь? Тогда эти средства явились очень кстати, потому что затруднения наши велики. Могу я спросить вас, где находится эта казна?

– Где она находится? В сундуках моих возмущившихся вассалов. И вот ключ, который otvorит мне все эти сундуки! – прибавил он, положив руку на эфес.

– Если вы употребите эту казну на благо вашего королевства и на облегчение вашего народа, она может быть чрезвычайно полезна для вас, государь, но если вы ее расточите...

– На празднества и увеселения, хочешь ты сказать, – перебил Филипп, – то заставлю моих подданных роптать, и мои друзья покинут меня. Полноте, Герен, бросьте эти меланхолические мысли и поговорим о пире, который будет великолепен. Вы будете присутствовать на нем и так будете веселиться, что мои гости, которые и так уважают вас как самого мудрого министра, станут смотреть на вас как на самого любезного советника, которого когда-либо имел король.

Герен покачал головою с видом сомнения.

– Вам будет весело, говорю я вам, потому что вы увидите меня сидящим между Филиппом де Шампанем, когда-то моим заклятым врагом, а теперь моим вторым вассалом, и молодым Тибо, его племянником и питомцем. Вы увидите там также Пьера де Куртне, брат которого затеял открытый мятеж, и графа дю Перта, двух добровольных заложников, одно присутствие которых стоит в десять раз дороже пира. Вы сделаете мне честь, Герен, думать, что мои поступки имеют более серьезные причины, чем я выказываю? А насчет турнира, думаете ли вы,

что я имею намерение испытать сердца рыцарей еще более, чем их доспехи? Ничто не может, добрый епископ, так раскрыть сердца мужчин, как увеселения. Опыянение и откровенности на пиршестве часто позволяют узнать мне больше, чем десять официальных приемов.

– Я не сомневаюсь в этом, государь, – отвечал епископ. – Но сегодня утром мне представили печальный отчет о состоянии вашей казны, и когда я слышу о празднествах и турнирах, то не могу не думать о подробностях, которые огорчили бы вас самих, если бы вы их знали.

– Как! – воскликнул Филипп, – дела дошли до такой степени? Я хочу видеть этот отчет, Герен, и знать, в чем дело. Вы ведь его принесли?

– Нет, государь, но я вам пришлю его с клерком, который его составлял и который даст вам все объяснения, каких вы можете пожелать.

– Хорошо, но поскорее, – сказал король.

Когда Герен вышел, Филипп заходил по комнате большими шагами и с тревожным, почти раздраженным, видом.

– Это невозможно, – говорил он вполголоса. – В последний раз, как я рассматривал отчеты, оставалось более ста тысяч ливров. Конечно, это немного, но все-таки что-нибудь, а я давно уже не видел полными мои сундуки. А вот и вы, господин клерк. Ну, прочтите мне этот отчет, да поскорее, потому что мне некогда.

Клерк начал чтение тем гнусливым и однообразным тоном, который имеет свойство раздражать характеры живые и нетерпеливые.

– Смерть моей жизни! – закричал король, – какая мне нужда до всех этих подробностей! Итог, господин клерк! Итог! Сколько остается в моих сундуках?

– Двести ливров, три су, шесть денариев, государь.

– Ты лжешь, негодяй! – рявкнул Филипп, вырвав бумагу из рук испуганного клерка и оттолкнув его. – Стало быть, я, по-твоему, нищий? Ты лжешь, говорю я тебе. Это невозможно! Однако, – прибавил он через минуту, когда пробежал бумагу, – это справедливо. Пришли ко мне Герена! Мне жаль, что я тебя ударил, забудь об этом и скажи Герену, чтобы пришел тотчас же.

Во время этой сцены Агнесса подошла к окну и, обернувшись лицом к реке, казалась безразличной к происходившему. Она не проронила ни одного слова, однако, когда увидела, к какому серьезному рассуждению повели приготовления к празднеству, ей очень захотелось потихоньку удалиться. Но король, разговаривая с министром и слушая клерка, преграждал ей дорогу к двери, и она принуждена была остаться.

Филипп, совершенно забывший о присутствии Агнессы, заметил ее, как только ушел клерк, и этого было достаточно, чтобы заставить его покраснеть своей вспыльчивости.

Каждый страстно влюбленный мужчина хотел бы казаться ангелом в глазах той, которую он любит. Король, стыдясь, что забылся до такой степени, тихо подошел к окну и, взяв королеву за руку, сказал:

– Агнесса, я вышел сейчас из себя, но этот отчет сильно меня раздосадовал, и я уже не в состоянии заняться празднеством... Ступайте наблюдать сами за приготовлениями. Пошлите ваших фрейлин в сад и, хотя бы им пришлось сорвать последний цветок, не жалейте ничего, чтобы стол и пиршественный зал были великолепно украшены.

– Я позабочусь, однако, – отвечала Агнесса, – чтобы они оставили несколько цветков, и самых красивых, потому что я сама хочу приколоть их к шлему моего Филиппа в день турнира.

Она вышла с улыбкой на губах, точно никакое беспокойство не нарушило ясность ее мыслей.

Герен не заставил себя ждать. Но он нашел короля совсем не в таком расположении духа, в каком оставил его клерк.

– Герен, – сказал Филипп с видом озабоченным, но спокойным. – Напиток, присланный вами, был горек, но спасителен, и я выпил его до дна. Благодарю, что вы меня не пощадили.

– Я всегда с сожалением, государь, отнимаю у вас одну из тех минут радости и спокойствия, которые вы так редко можете выкроить у дел, но...

– Знаю, Герен, мне известна ваша благородная и бескорыстная душа. Вы иногда бываете строгим другом, но я предпочитаю вашу строгость лести честолюбивых советников и питаю к вам полное доверие. Выслушайте же меня: этот пир должен состояться, и турнир также, а может быть, и новые празднества. Не потому, что я хотел бы усладить свой взор зрелищем моего величия – я слишком хорошо знаю его тщету. Но я хочу быть настоящим королем. Знаете, чего недостает Франции для того, чтобы она шла во главе христианских народов? Короля. Да, Герен, короля, который вернул бы трон на ту высоту, на которую вознес его Карл Великий. Не бледнейте, господин епископ. Я не задумал сам сделаться этим монархом; это было бы безумием. Но я хочу, если когда-нибудь он произойдет от моего рода, по крайней мере, проложить ему путь. Нет, я не думаю играть роль Карла Великого, имея это перед глазами, – прибавил он с горечью, указывая на отчет, который еще держал в руке. – Однако я могу сделать многое и уже сделал много.

Филипп остановился на минуту, как бы для того, чтобы собраться с мыслями. Потом, подняв голову с благородной гордостью, продолжил:

– Когда скипетр перешел в мои руки, в нем было не более могущества, чем в палке шута, но я возвратил ему его достоинство. Властелин моих вассалов, но властелин по имени... Это я был у них в подданстве, а не они у меня, и я разбил эту цепь, объявив, что король не может быть вассалом своих подданных. Это был мой первый шаг, но оттого не менее серьезный.

– Поверьте, государь, мои советы не станут свращать вас с этого пути.

– Я дал почувствовать мою власть моим вассалам, – продолжал Филипп, одушевляясь, – когда приказал, чтобы каждая ссора, которая возникнет между ними, будет рассмотрена нашим парижским судом. В этом я последовал моей воле, а не их. Я освободил общины, я возвысил духовенство, и хотя оно готово отплатить мне неблагодарностью, я об этом не сожалею, потому что захочет оно или нет, но будет служить орудием моим планам. Мои крупные ленники, это правда, испытывают опасения и недовольство. Но я уже урезал их власть, и за меня стоят низшие бароны и богатые горожане. Однако этого мало. Мне надо привлечь на свою сторону часть могущественных вассалов, и тогда пусть другие бунтуют, если рискнут. Клянусь Богом, если они осмелятся, то мой меч проредит их владения, и я оставлю сыну в десять раз больше, чем получил от своего отца. Но некоторые из этих бунтовщиков мне нужны, чтобы укротить других. Филипп де Шампань, который остался бы нечувствителен к истинным благодеяниям, не способен устоять перед почестями и комплиментами. Его надо хвалить и сажать по правую мою руку. Филипп де Куртне мечтает только о подвигах рыцарства – его надо задобрить турнирами. Многие другие находятся в таком же положении, Герен, и если я хочу раздавить их моим железным нарукавником, я должен налить в него меду, чтобы привлечь их туда.

Таким образом говорил Филипп Август, оживленный, без сомнения, тем великим эгоизмом, который называется честолюбием, но также и той силой души, которая возвысила его над веком и которой следует восхищаться, потому что она спасла Францию.

Герен, человек скорее рассудительный, чем дальновидный, был, однако, способен понять эти великие планы и отказался от всякого возражения.

– Я не принадлежу к числу тех безумцев, – сказал он, – которые думают, что обширные планы могут быть исполнены посредством таких слабых средств. Но скудность вашей казны такова, что я, право, не знаю, где найти средства. Я обращаюсь к преданности парижской буржуазии.

– Повидайтесь с ними, Герен. А я попрошу совета, а может быть, и помощи у Венсенского отшельника. Это один из тех редких людей, чей взор умеет возвышаться, не теряя верности и ясности. Но прежде я пойду взглянуть на приготовления к моему празднеству. Ни за что на

свете не хочу, чтобы Тибо де Шампань мог что-нибудь порицать, Герен! Прикажите, чтобы был готов мой конвой.

Герен ушел, Филипп отправился к Агнессе. Через несколько часов он выезжал из Парижа со свитой, достойной короля. Но, остановившись в Венсене, он оставил там свою свиту; потом, набросив на плечи коричневый плащ, прошел через парк пешком в сопровождении одного пажа, которого оставил у ворот леса Сен-Манде с приказанием отворить ему ворота, когда он воротится, и зашагал по тропинке, которая, извиваясь в густой чаще, вела в самую глубину леса.

В половине лье от Венсенской башни находилась тогда старая гробница, которая, судя по еще украшавшей ее скульптуре, должна быть была воздвигнута в память какой-нибудь важной особы, но совершенно неизвестной в то время. Изгладившаяся надпись и разбитый мрамор казались трофеями, посвященными забвению.

В этом-то месте отшельник Бернар выстроил себе хижину, и когда Филипп пришел, то нашел старика сидящим на гробнице и погруженным в глубокую задумчивость. Отшельник был подвержен припадкам экстаза, во время которых он на многие часы терял связь с окружающим миром, и не любил, чтобы ему мешали в это время. Отчасти для того, чтобы избегнуть беспрестанных посещений, которым его подвергало соседство с Парижем, оставил он лес Сен-Манде ради Овернских гор, откуда воротился только по приказанию короля.

Филипп, часто посещавший старика и знавший его привычки, сел рядом с ним, не говоря ни слова, и стал ждать момента, чтобы начать разговор. Долго ждать не пришлось. Через минуту отшельник поднял голову и, узнав короля и не выказав никакого удивления, сказал:

– Вот вы и здесь, сын мой. Я думал о вас, смотря на эту гробницу. Знаете ли вы имя человека, покоящегося под этим камнем?

– Нет, не знаю, добрый отец, – ответил король.

– А между тем это был человек, знаменитый в свое время. Об этом говорит драгоценный мрамор. В свое время этот человек, должно быть, славился своими подвигами и имя его гремело по всей стране. То же самое будет и с вами, сын мой. Вы волнуетесь, чтобы оставить славное воспоминание в памяти людей, а ваша мелочность в сравнении с мелочностью ваших подданных, может быть, кажется вам величием. Пройдет несколько веков, и прохожий, ступая ногой по вашей могиле, не будет знать даже о вашем существовании.

– Увы, добрый отец, – сказал Филипп Август с горькой улыбкой, – никто лучше меня не познавал ничтожества славы, и не будущее тревожит меня, а настоящее. Оно слишком уныло, чтобы думать о чем-то еще.

– Что такое настоящее, которое мучит вас, таким образом? – воскликнул отшельник. – Точка в вечности, капля воды для человека жаждущего, который пьет ее с восторгом, а потом забвение. Что такое сама жизнь?

– Печальный переход, особенно для королей, – отвечал Филипп. – Я начинаю иногда желать, чтобы моя жизнь была избавлена от тяжелой ноши царствования.

– Если бы ваше желание исполнилось, вы через час уже стали бы сожалеть, – сказал отшельник с иронической улыбкой. – Притом оно нечестиво.

– Нечестиво! – вскричал с удивлением король.

– Да, сын мой, и я хотел вам сказать, что никогда не следует бросать свои обязанности, какими тягостными они бы ни были. Не следует забывать, что земные стремления не главные в жизни, и что на небе находится другая цель, которую никогда не следует выпускать из вида. Король Филипп, вам предстоит выполнить важную обязанность, и если бы ваша жизнь вся ушла на то, чтобы обратить к долгу ваших вассалов и освободить ваших подданных от ига этих тиранов, то один этот подвиг может прельстить самые высокие сердца. Люди, может быть, его забудут, но Господь вспомнит о нем; а какое дело тому, кто живет в духе Божиим, до неблагодарности людей?

– Да, это прекрасная обязанность, – сказал Филипп, который из слов старика выхватил только те, которые относились к его планам. – Но она так же трудна и пугает меня, когда я думаю о слабости ресурсов и об истощении моих финансов. Еще несколько дней, добрый отец, и я буду нищим.

– И поэтому-то вы навестили меня, государь? Я это знал и ждал вашего посещения. Но скажите мне, ваши нужды относятся к настоящему или к будущему?

– К настоящему, Бернар, к настоящему. Я уже вам сказал, что беднее нищего. Что более может сказать король?

– Зло это поправить можно, – отвечал отшельник. – Войдите в мою келью, сын мой, и мы, может быть, найдем там то, что вы напрасно искали в вашем дворце.

Филипп пошел за отшельником в хижину. Эта была настоящая келья анахорета, обнаженная и холодная, где вместо мебели лежала солома, служившая постелью старику. Стены были глиняные, а соломенная кровля, почерневшая и сгнившая от дождя, едва защищала отшельника от непогоды.

Король обвел глазами унылое убранство хижины и с удивлением взглянул потом на бледные и исхудалые щеки старика, спрашивая себя, возможно ли человеку терпеть подобные лишения. Отшельник уловил этот взгляд и понял немой вопрос, в нем заключавшийся.

– Вот моя награда! – заявил он, указывая на эбеновое распятие, висевшее на стене. – Вот что платит мне сторицей за суровости и лишения всякого рода, которые так изменили мои черты, что даже люди, любившие меня, не узнают меня более. Да, вот моя награда, и эта не ускользнет, как блага мира сего, из рук человека, овладевшего ею!

Бросившись на колена перед распятием, он начал молиться с таким усердием, что король, удивленный и почти испуганный, подумал, не расстроили ли лишения рассудок старика. Но отшельник вскоре поднялся, и весь его энтузиазм, без сомнения, излился в этом порыве набожности, потому что, воротившись к своей первой мысли еще прежде, чем Филипп успел напомнить о ней, он приподнял со стороны стены солому, служившую постелью, и вынул два больших кожаных мешка, округлостью которых удивленный и очарованный взгляд короля не мог не залюбоваться.

– В каждом из этих мешков по тысяче серебряных марок, – сказал отшельник. – Один из них ваш, сын мой, но я сохраняю второй для другого назначения.

Может быть, Филипп, который минуту тому назад считал бы один из этих мешков даром небесным, почувствовал легкое разочарование, когда узнал, что второй мешок ему не достанется. Но у него была слишком благородная душа для того, чтобы обнаружить свое разочарование, и он с жаром поблагодарил отшельника.

– Суета! Суета! – перебил старик. – Я дал обет никогда ничего не покупать и не продавать. В моих глазах золото ценится ниже растений, которые меня питают, или соломы, которая служит мне постелью. Оно ваше, сын мой, и я отдам его сегодня служителю, которого вы пришлете за ним. Теперь поговорим о будущем. Правда ли, как я слышал, что граф де Танкарвиль умер и герцог Бургундский изъявляет притязание на его владения?

– Вас обманули, добрый отец. Граф в Палестине, и, хотя уже несколько лет не было от него известий, ничто не доказывает, что он умер. А свое имение перед отъездом он завещал, с нашего согласия, Ги де Куси, племяннику своей жены. Хартия, подписанная и запечатанная графом, лежит в нашем казначействе.

– А все-таки граф слывет умершим. Последуйте моему совету, сын мой, употребите доходы с его имения на ваши потребности. Деньги верного подданного не могут быть лучше использованы, как на возвращение к долгу возмутьившихся вассалов.

– Но, добрый отец, – вскричал Филипп, – это значило бы сделаться виновным относительно графа или, по крайней мере, относительно его наследника, в несправедливости.

– Государь, – с гордостью сказал старик, – разве вы принадлежите к числу тех людей, которые спрашивают советов с твердым намерением следовать собственному совету? Отшельник Бернар умеет измерять значение своих слов, и если он предлагает вам этот ресурс, это потому, что он знает, что граф де Танкарвиль и этот сумасбродный Куси не будут осуждать вашего поступка, как только узнают его причины. Располагайте без угрызений этими деньгами, государь, и дай Бог, чтобы вам не пришлось никогда упрекать себя в большей несправедливости!

Предложение было очень заманчиво само по себе, а кроме того, пришлось слишком кстати, чтобы король стал выказывать излишнюю деликатность. Он послушался совета отшельника и даже обязался, в случае если Куси приедет ко двору, держать завещание втайне, пока не удостоверятся в смерти графа. Притом он дал себе зарок вознаградить молодого рыцаря, отдав в случае войны ему начальство над отрядом, который будет набран из вассалов де Танкарвиля.

Государь собирался уходить, когда в лесу послышался звук охотничьего рога. Филипп покраснел от гнева при мысли, что есть смельчаки, которые позволяют себе охотиться в королевском лесу, находящемся у самых ворот Парижа. Отшельник заметил гнев короля и угадал причину.

– Ах, боже мой! – произнес он. – Какие мы странные создания! Вот справедливый и мудрый король, душа которого выказала сейчас твердое презрение к суетным почестям, коими он облечен, а между тем он не может слышать без гнева звук рога в своем лесу и считает одним из главных преимуществ своей короны право убивать беззащитных животных!

Филипп оставил без внимания этот сарказм и простился со стариком, твердо решив дать своим солдатам команду обыскать лес. Случай избавил его от этого труда. По мере его пути в город, звук рога мало-помалу приближался.

Скоро он раздался в нескольких шагах от Филиппа, и король вздрогнул, заметив вдруг в прогалине довольно странное явление. Большая серая лошадь, пущенная в галоп, подъехала прямо к нему. От всадника ее виднелись только две длинные ноги в красных шелковых панталонах, похожие на два гигантских рога. Удивленный, а может быть испуганный, потому что он только через минуту разглядел наездника, лежащего на спине лошади и время от времени подносящего к губам дрянной охотничий рог, Филипп положил руку на эфес. Лошадь остановилась, и в то же мгновение Галлон-шут очутился на седле перед королем.

– Кто вы? – спросил король. – И зачем трубите в рог в этом лесу?

– Для собственного моего удовольствия, прекрасный господин.

– Но кто вы?

– Никто.

– Никто? – с удивлением переспросил король.

– Конечно. Я часто слышал, как мудрый Тибо д'Овернь говорил моему господину храброму Ги де Куси, что разум делает человека. А я разума не имею. Итак, я никто, или мудрый Тибо солгал, но я не советую вам, прекрасный господин, говорить ему этого прямо в лицо, ха-ха-ха!

– Ты шут?

– Шут шута, иначе сказать: фигляр сира Ги де Куси.

– А где теперь сир Ги де Куси и граф Тибо д'Овернь, о которых ты говорил сейчас? Я думал, что они оба в Палестине?

– Как бы не так! Они давным-давно воротились.

– Где же они?

– Где? Не знаю. Могу только вам сказать, что граф д'Овернь оставил нас три дня тому назад, чтобы ухаживать в Париже за женой короля, у которой, говорят, прехорошенькая ножка, ха-ха-ха!

– Негодяй! – вскричал Филипп. – Тебе сильно повезло, что твой король тебя не слышит, потому что он велел бы окорнать тебе уши.

– Этого только и недостает мне, чтобы сделаться совершенным красавцем, ха-ха-ха! Я, впрочем, позабочусь не подставлять ему моих ушей. Но меня ждет мой господин.

– Где ты его оставил?

– За добрую милю отсюда, под дубом, где он поет томные песни о старике и его дочери: сире Жюльене де Моне и прелестной Алисе, не знаете?

– Я ничего не знаю. Что ты хочешь сказать?

– Как? Вы не знаете, как мой господин, который стоит чего-нибудь, и я, который стоит гораздо больше, и пять пажей и оруженосцев провожали старого графа Жюльена и его дочь от Вик-ле-Конта до Санли; как мы заблудились в этом проклятом лесу, думая о прелестной Алисе, и как мой господин послал меня вперед отыскивать дорогу. Прекрасная история, ха-ха-ха! Я переложу ее на стихи и все будут плакать, узнав, что сир де Кузи поклялся в измене королю из любви к своей любовнице, ха-ха-ха!

Потом, приложив руку к щеке, Галлон вдруг разразился странными и оглушительными звуками, в которых преобладал звук пилы, которую точат.

Король хотел заставить его замолчать и объясниться, но крики, угрозы, просьбы все было бесполезно. Галлон хохотал и вдруг, опрокинувшись на спину своей лошади, ускакал в галоп, громко трубя в рог, чтобы перекрыть крики короля.

Филипп продолжал свой путь, и, странное дело, хотя он видел, что имеет дело с сумасшедшим, и вдобавок еще злым, слова Галлона, обвинявшие королеву в неверности, а Кузи в измене, взволновали его гораздо более, чем следовало бы.

«Это негодяй! – говорил он себе несколько раз... – На его словах останавливаться не стоит. Было бы безумством думать о них...»

Однако человеческая натура так создана, что Филипп о них думал.

Глава V

Париж в то время начал распространяться за пределы острова, на котором зародился. В царствование Людовика VII, а особенно под администрацией Сугерия, аббата Сен-Дени, улицы, перепрыгнув реку через два моста, распространились по скверному берегу, и вот уже церкви и рынки воздвигались со всех сторон. Среди этого предместья, почти в том самом месте, где находится ныне улица Пти-Шан, находилось обширное пространство земли, называемое Шампо, принадлежавшее казне. Оно служило обыкновенно ристалищем придворным рыцарским играм.

Часть этого поля была уступлена городу для постройки рынков, а другая часть, окруженная стенами, служила кладбищем. Но то, что оставалось свободным, составляло еще очень обширнее пространство, и тут-то должен был происходить турнир, известие о котором так напугало благоразумного Герена.

На одном конце этой местности возвышалось здание, которое министр велел построить для бедных путешественников и которое более походило на крепость, чем на странноприимный дом, до того было оно испещрено башнями и башенками. Так как оно возвышалось на конце ристалища, на одном из окон повесили шлемы и щиты рыцарей, участвовавших в турнире, и любопытные, пришедшие поглазеть на щиты и знамена, придававшие мрачному зданию вид необыкновенного великолепия, могли заметить у самого высокого окна щиты графа д'Оверня и Ги де Куси. Они могли также слышать, как восхвалял до небес мужество и подвиги обоих друзей герольд, который с самого рассвета стоял у странноприимного дома, провозглашая громким голосом имена и титулы рыцарей, которые должны были сражаться, объявляя, что они готовы принять все вызовы, которые будут брошены им.

Ристалище было украшено так великолепно, как будто сундук короля был набит золотом. Амфитеатр для государя, дам и судей был обит малиновым сукном, вышитым золотом; вымпелы всех цветов развевались над палатками, раскинутыми вокруг. Не пожалели ничего, что могло ослепить глаза или поразить воображение зрителей.

Таково было зрелище, представляемое ристалищем утром в тот день, когда должен был происходить турнир, и представившееся глазам Куси и графа д'Оверня, когда по выезде из квартиры, которую они занимали недалеко от башни Шатле, они приблизились к ристалищу.

Галлон-шут сказал правду. Приехав благополучно в Вик-ле-Конт и побыв недолго у отца Тибо, друзья расстались: граф д'Овернь отправился напрямиком в Париж исполнить поручение, данное ему герцогом Истрийским, отцом Агнессы Меранской; Ги де Куси проводил до Санли графа Жюльена дю Мона и его дочь.

В этом городе, к величайшему своему сожалению, он должен был расстаться с Алисой, взяв с графа Жюльена обещание остановиться на обратном пути во Фландрию в его замке Куси. Направляясь к Тибо д'Оверню, уже несколько дней находившемуся в Париже, молодой рыцарь заблудился в Венсенском лесу. А что касается предположений, которые Галлон позволил себе сделать о графе д'Оверне и о де Куси, мы скоро будем иметь случай выяснить, насколько они справедливы.

Два друга, отправляясь в Шампо, с трудом прокладывали себе путь сквозь толпы народа и разговаривали вполголоса о визите, который этим утром нанесли королю.

– Мне кажется, – сказал Куси, – что Филипп принял нас холодно, прием его показался мне очень сух, если не сказать более.

– Трудно королю питать ко мне более теплые чувства, чем я питаю к нему, – отвечал Тибо, – и мне было бы жаль, если бы более вежливый прием принудил меня к вежливости, которая дорого стоила моему чистосердечию.

– Однако, – продолжал Куси, подъезжая ближе к своему другу, – это ты уговорил ее отца отказаться от предложения, которое граф Жюльен делал ему от имени графа Фландрского и которое сначала он принял очень хорошо.

– Конечно, я и теперь сделал бы то же самое, потому что если я и не люблю Филиппа как человека, но восхищаюсь им как королем. Послушайся меня, Куси, подражай моему поведению.

– Граф д’Овернь, – раздался вдруг голос позади. – Тот, кто смотрит на солнце, рискует ослепнуть. Сир де Куси, сокол, который хотел налететь на орла, был растерзан на куски, потому что орел – царь птиц.

Тибо покраснел, а Куси вздрогнул и обернулся.

– Что хотел сказать этот негодяй своим орлом и соколом? – вскричал он. – Мне хотелось бы схватить его и заставить объясниться.

Но сколько бы ни высматривал он того, кому принадлежал голос, так ничего и не узнал. Тибо д’Овернь не спрашивал объяснения слов, обращенных к нему. Он только сказал тоном презрения несколько притворного, что голос показался ему похожим на голос Галлона.

– Ты ошибаешься, Тибо, – возразил Куси, – это не его голос. Притом, он уехал уже больше часа назад на ристалище.

Действительно, первый предмет, поразивший взоры обоих друзей, когда они въехали на ристалище, был Галлон, сидевший на тумбе и очаровывавший многочисленную толпу мужчин, женщин и детей своей смешной физиономией и своими ловкими фокусами.

– Подходите ближе! – кричал он визгливым голосом. – Подходите! Я король кошек и покровитель воробьев! Нет ли у кого из вас собаки без перчаток, козы, которой нужна шляпка? Приведите их! У меня есть то, что им нужно. У меня есть талисманы для девушек, желающих мужа, у меня есть лекарства для обманутых мужей и для влюбленных кошек, ха-ха-ха!

Но заметив своего господина и зная, что Куси будет недоволен таким фиглярством, он вдруг замолчал и, перепрыгнув через ближайšie головы, исчез как молния из глаз изумленной толпы.

Граф д’Овернь и друг его вошли в палатку, где они должны были вооружиться, когда веселые трубы возвестили о прибытии короля.

Кавалькада была великолепна. Отряд телохранителей, который Филипп организовал в Палестине, чтобы оберегать себя от кинжала убийц, и которых оставил потом как силу, всегда находящуюся под руками, открывал шествие, ударами алебард заставляя отступить толпу, теснившуюся, чтобы видеть короля. Потом ехали герольды, по два в ряд, в своих разноцветных табарах, за ними герольд Монжуа, которого провожала толпа маршалов и лакеев и приезд которого был принят криками: «Монжуа Сен-Дени!» Добрые парижане любили и очень восхищались его великолепным костюмом и красивой осанкой.

Несколько далее, среди отряда телохранителей, с тяжелыми копьями, положенными на плечо, ехал сам король. Вооруженный с ног до головы, но с открытой головой, он ехал медленно, как будто находил удовольствие показываться народу, покрывавшему даже крыши.

За ним ехала на белом коне Агнесса Меранская. О костюме ее знали только, что он также бел, потому что, как только примечали ее, нельзя было ни на что иное обращать внимание, как на ее чудную красоту. Ее горячая лошадь, живые движения которой она сдерживала своей крошечной ручкой, еще более подчеркивала ее грацию и ловкость; повсюду, где она проезжала, раздавались единодушные восклицания восторга.

Наконец, замыкала шествие блестящая и многочисленная свита дам и баронов, во главе которых виднелась Констанция, герцогиня Бретонская, и сын ее Артур Плантагенет, которые, будучи лишены наследства английским королем Иоанном Безземельным, приехали искать помощи и покровительства при дворе Филиппа.

Когда благородная свита заняла место в амфитеатре, трубы снова зазвучали, и рыцари, долженствовавшие участвовать в турнире, собрались, чтобы объехать ристалище. Каждый из них проезжал мимо галереи, где сидели король и королева, кланялись, опуская копье, и Агнесса спрашивала иногда у своего супруга имена рыцарей, не известных ей или которых она не могла узнать под опущенным забралом.

– Это кто, Филипп? – спросила она, когда проехал рыцарь с фигурой дракона на шлеме и в красном шарфе. – Как грациозно управляет он лошадью!

– Это Шарль де Турнон, благородный рыцарь, прозванный Красным Графом. А вот Гийом де Макон, моя прелестная дама, – прибавил король, улыбаясь, – с лентой на доспехах и с розой на шлеме, из любви к вам.

– Противный рыцарь! – сказала Агнесса. – Он мог бы выбрать другую даму, какая мне нужна до его любви? А это кто?

– Знаменитый Ги де Куси, рыцарь очень храбрый. Если молва не преувеличила, мы увидим, что все склонится перед его копьем. Но его товарищ составил себе в Палестине такую же репутацию. Это граф Тибо д'Овернь.

В этот миг Филипп устремил на королеву взгляд, в котором проглядывали и ревность, и беспокойство. Но лицо Агнессы не выразило ничего такого, что могло бы испугать ее супруга.

– Граф Тибо д'Овернь, – сказала она с радостным удивлением, но без замешательства. – Я его знаю! Он провел несколько месяцев при дворе моего отца, отправляясь в Палестину. – Королева помолчала и прибавила с нежной улыбкой: – От него услышала я в первый раз похвалы моему Филиппу. Я была тогда очень молода, но этого не забыла. Увы, – продолжила она через минуту, – этот граф д'Овернь был искренним другом моего брата Альберина, который был убит под стенами Иерусалима и который был мне так дорог.

«Сумасшедший солгал, – думал Филипп, смотря на Агнессу, глаза и лицо которой сияли любовью и чистосердечием. – Да, он солгал!»

Желая загладить холодность, которую в это утро он выказал Тибо, Филипп отвечал на его поклон любезным наклоном головы.

– Возможно ли, чтоб это был граф д'Овернь? – вдруг вскричала Агнесса тоном сострадания, который заставил короля нахмурить брови. – Я не узнала бы его. Тогда это был молодой человек, исполненный жизни и здоровья, а теперь он бледен и худ как привидение. Какая ужасная страна, должно быть, эта Палестина! Обещайте мне, Филипп, никогда туда не возвращаться, какой крестовый поход ни проповедовали бы. Обещайте это мне.

– Непременно обещаю, Агнесса. Одного раза в жизни довольно. Притом, не стоит труда отыскивать битвы так далеко, они найдутся и в моем королевстве.

В эту минуту рыцари, объехав ристалище, заняли свои места, трубы затрубили, барьеры отворились, и турнир начался.

Борьба была блистательна, и победа оспаривалась с ожесточением. Но с первого раза успех остался за Ги де Куси и за Тибо д'Овернем, со второго результат был тот же, хотя присутствующие дамы выразили досаду, так как оба рыцаря не носили цветов ни одной из них.

Начиналась третья схватка, когда, к великому удивлению сражающихся и самого короля, герольды вдруг закричали:

– Остановитесь! Остановитесь!

В ту же минуту барьеры отворились, и кардинал-священник церкви Святой Марии, легат с тяжелым серебряным крестом в руках, вошел на ристалище в сопровождении многочисленной свиты. Яркая краска покрыла лоб короля, брови его нахмурились. Он предвидел все, кроме этой дерзости. Кардинал бесстрастно приблизился к королевской трибуне и, остановившись перед Филиппом Августом, сказал ему:

– Король французский, я кардинал-священник церкви Святой Марии, недостойный слугитель Иисуса Христа, получил приказание от нашего святого отца Иннокентия III.

– Кардинал! – вскричал король, вставая и побелев от гнева. – Никто во Франции не имеет права говорить с королем без его позволения. Не принуждайте меня напоминать вам об этом во второй раз. Если вы принесли поручение от папы, мы примем его в нашем дворце и выслушаем вас в час, назначенный нами, а не выбранный вами!

– Король французский, – отвечал легат, – я получил от его святейшества приказание обратиться к вам с публичным увещанием, в каком месте ни встретил бы вас, и я должен исполнить возложенное на меня поручение. Король французский, его святейшество узнал с горестью, что, отказавшись послушаться советов и увещаний церкви, вы презрели ее приказаниями, забыв наследственную набожность вашего рода; он узнал кроме этого, что вы отказываетесь называть супругой Ингебургу Датскую...

– Этот человек заставит меня лишиться рассудка! Вынудит забыть уважение к самому себе! – вскричал король, сжимая скипетр так, будто хотел бросить его в голову смелого прелата, который оскорблял его перед его народом. – Неужели никто не заставит его замолчать?

Повинуясь этому непрямому приказанию, несколько герольдов подошли и встали между легатом и королем. Но кардинал оттолкнул их и смело продолжал свою речь.

– Узнав наконец, что, основываясь на решении незаконного совета, решении, уничтоженном церковью, вы взяли себе женщину, которая не может быть вашей законной супругой...

Страшный визг фрейлин королевы вдруг перебил прелата, и все взоры устремились на Агнессу.

Первыми впечатлениями королевы, когда она увидела человека такого смелого, чтобы сопротивляться Филиппу Августу, были удивление и негодование. Но скоро, узнав, в чем состояло данное кардиналу поручение, она почувствовала страх и невыразимую тоску. Глаза ее устремились на этого безжалостного старика как на злого гения, посланного уничтожить ее счастье. Губы ее задрожали, щеки покрылись смертельной бледностью, и наконец, услышав последние слова прелата, поражающие ее супружескую честь и обрекающие ее на презрение, она упала без чувств на руки своих фрейлин. Поднялось неописанное смятение.

– Клянусь небом, старик, – вскричал Филипп с бешенством и негодованием, – без всякой жалости к твоим седым волосам я убью тебя своей собственной рукой! Уведите его! Не позволяйте ему произносить ни слова! Эй, мои телохранители! Выбросьте его вон с ристалища! Агнесса, милая Агнесса, приди в себя! – воскликнул Филипп, обращаясь к королеве и схватив ее за руку. – Не бойся ничего! Моя любовь слишком сильна и не может поколебаться от угроз жалкого прелата.

Между тем телохранители короля увели кардинала, и пока фрейлины королевы суетились около нее, сильное волнение не утихало среди зрителей турнира. Бароны и рыцари были глубоко взволнованы обмороком Агнесы и в негодовании от грубого и дерзкого поведения легата громко выражали свое неодобрение.

Филипп Август, еще дрожавший от ярости, с радостью заметил сочувствие рыцарей к королеве. Он встал, держа в своей руке безжизненную руку Агнессы, и, указывая другой рукой на ее безжизненные щеки, воскликнул громким голосом, который был слышен с одного конца ристалища до другого:

– Бароны и рыцари французские! Должен ли я допустить, чтобы мое счастье было разрушено прихотью гордого прелата? Должен ли я из опасения его угроз бросить супругу, которую люблю и которую это оскорбление сделало для меня священной? Бароны и рыцари, вы мои судьи и вы, вы одни решите это дело!

Единогодушный крик: «Да здравствует король!» – поднялся с трибун и с обширного пространства, отведенного народу; рыцари столпились возле короля, громко уверяя его в своей верности и преданности.

– Турнир не кончился, – продолжал Филипп Август. – Дерзость этого прелата помешала нашим увеселениям, но только на одну минуту, и надеюсь, что королева скоро будет в состоя-

нии сама вас поблагодарить. Бароны и рыцари, от ее имени я приглашаю вас на пир, в четыре часа, в большой зале дворца. Жду вас там всех.

Спустившись с трибуны, король положил Агнессу, обморок которой еще продолжался, в носилки и отправился вместе с ней во дворец. Но ристалище опустело не скоро. Везде образовывались группы оживленно переговаривавшихся людей. Куси, благородная душа которого была глубоко тронута горестью королевы, отличался между теми, кто пылал негодованием.

– Клянусь небом! – заявлял он. – Она так же достойна быть королевой, как всякая другая государыня в христианском мире, и хотя, обет не допускает меня носить ее цвета и провозгласить ее владычицей моих мыслей, я вызываю на бой всякого, кто будет отрицать, что она законная королева Франции. Трубите, трубачи, трубите, – продолжал он, увлекаемый пылом, – а вы, герольды, провозгласите, что Ги де Куси вызывает на бой всякого, кто будет отрицать, что Агнесса – государыня Франции и законная супруга короля Филиппа, что Ги де Куси будет сражаться с ним, где и когда он пожелает, предоставляя ему выбор оружия.

Трубы затрубили, герольды провозгласили вызов, и Куси бросил свою перчатку на ристалище.

Несколько минут прошло среди глубокой тишины, никто не явился, и раздались громкие восклицания. Тогда Куси приказал герольдам поднять свою перчатку и прибить ее вместе с его вызовом на одной из колонн странноприимного дома. Потом вырвал три кольца из золотой массивной цепи, которую носил на шее, и бросил их тому, кто исполнил его приказания.

– Куси, – сказал тогда граф д’Овернь, подходя к нему, – я присоединился бы к тебе, если бы думал, что наши копья могут иметь какой-нибудь вес в ссоре, но они будут бесполезны. Если Иннокентий III проявит твердость, а отец Агнессы, который знает его, уверяет, что у него твердость есть, король должен будет уступить или положиться на поддержку своих баронов против папы.

– Ну, бароны будут его поддерживать. Ты видел, какую горячность они выказали.

– Это вспыхнула солома, которая погаснет завтра. Не всех отличает твой великодушный и постоянный энтузиазм. А если ты сомневаешься в моих словах, на сегодняшнем пиру, на который нас пригласил король, ты увидишь доказательство. Поезжай туда, я сам там буду.

Тибо д’Овернь, который был взволнован более, чем хотел выказать, взял своего друга под руку и увел с ристалища.

Глава VI

Прежде чем отправиться на пир к королю, оба друга поехали на свою квартиру, чтобы сменить доспехи на костюм более приличный для праздника. Печальное известие ожидало там графа Тибо. Посланный, приехавший из Оверни час тому назад, сообщил, что с его отцом приключился апоплексический удар, что он борется со смертью и с нетерпением требует к себе сына.

– Сегодня слишком поздно ехать, – сказал Тибо Ги де Куси, когда оправился от первого испуга, – но завтра на рассвете я отправлюсь в путь. Поезжай один на это празднество; я буду представлять там из себя жалкую фигуру в том расположении духа, в котором нахожусь... Однако я обязан королю, – прибавил он через минуту, – а особенно королеве, отец которой так хорошо принял меня, когда я проезжал через Истрию. Не пренебрегать же ими в такую минуту. Мой пример может быть пагубен. Притом это моя обязанность как вассала.

– Надо исполнить ее, Тибо, – сказал Куси. – Вас знают слишком хорошо для того, чтобы приписывать ваше поведение другому чувству.

Тибо покраснел. Но вскоре преодолел волнение.

– Чего бы мне это ни стоило, я поеду, – сказал он. – Оставляя короля так внезапно, я должен дать ему отчет в причинах моего отъезда, а в другом месте я его не увижу. Поедемте, Куси.

Друзья, переменяв костюм, отправились во дворец. Праздник был великолепен. Не занятыми оставались всего два или три места, так бароны поспешили ответить на приглашение короля, и их энтузиазм, разгоряченный вином и вкусными кушаньями, скоро дошел до крайней степени.

Но Куси, ветренность которого не мешала здравому смыслу, вскоре получил возможность удостовериться, как непродолжительно было это необдуманное волнение. Чем преувеличеннее были обещания, тем грустнее становилось ему при мысли, что когда пройдет опьянение, то самые рьяные сошлются на необдуманность своих слов. Приметил он также, что пустые места принадлежали именно самым могущественным баронам, и содрогнулся от жалости к Агнессе.

Королева еще не оправилась от своего волнения. Она не выходила; и Тибо, который при входе в залу искал ее глазами, казалось, обрадовался этому обстоятельству. Может быть, единственный из всех присутствующих, он не произносил хвастливых обещаний.

Но король, хотевший вознаградить его за свою прежнюю холодность, по-видимому, не заметил этого. Он посадил его возле себя и, пока продолжалось пиршество, осыпал его предупредительностью, разговаривал о Палестине, спрашивал о новой колонии в Константинополе и слушал со вниманием, возбуждившим зависть многих.

Однако ни вежливость, ни предупредительность не могли рассеять холодности графа д'Оверня. Он отвечал вежливо, но сдержанно; а как только обед кончился, он воспользовался первым случаем, чтобы откланяться. Он сообщил королю о печальном происшествии, призывающем его в Овернь, и извинившись, что не делает королеве визита, вручил Филиппу Августу письма, привезенные из Истрии, и первым из гостей вышел.

Куси встал, чтобы следовать за своим другом. Но король остановил его не столько для того, чтобы поблагодарить за великодушное усердие, оказанное к королеве, сколько для того, чтобы расспросить о графе д'Оверне.

– Ваш друг всегда такой печальный? – спросил король несколько дрожащим голосом. – Мне, право, жаль видеть его таким грустным, и мне хотелось бы знать причину его печали, чтобы помочь, если возможно.

– Я нахожусь в затруднении, как вам отвечать, государь, – отвечал Куси, – но мне кажется, что это любовь сделала его таким.

– Любовь? – сказал король, и лоб его нахмурился.

– Да, государь, любовь к какой-нибудь палестинской красавице, язычнице или христианке, потому что я ее не знаю. Он сам никогда не был особенно весел, но любил веселость в других. И вот за два года характер его переменялся. Он начал избегать общества и сделался таким, каким вы видите его...

Чело короля разгладилось.

– Это, право, жаль, – сказал он почти равнодушным тоном. – Но мы посмотрим, нет ли во Франции прекрасных глаз, которые могли бы вылечить его от этой губительной любви. Мы надеемся также, сир де Куси, что теперь, по возвращении, вы часто будете удостаивать наш двор вашим присутствием.

Куси отвечал утвердительно, король улыбнулся ему очень любезно и позволил уйти. На другое утро, на рассвете, Куси попрощался с графом д'Овернем.

Тибо не успел условиться со своим другом обо всем, что было у него на уме. Но прежде чем он расстался, он обнял его и сказал тихо:

– Безанты, привезенные нами из Палестины, находятся в вашей комнате. Если вы меня любите, Куси, то вспомните, что мы братья по оружию и что все должно быть общее между нами. Пользуйтесь этими деньгами как своими, а если будете нуждаться, не опасайтесь обратиться к моей дружбе. Впрочем, я скоро вернусь, а если задержусь, то пришлю к вам гонца.

Куси улыбнулся, но сначала не отвечал, сердце у него так сжималось, что он не мог говорить.

– Прощайте, Тибо, – сказал он наконец, смотря на друга, который сел на лошадь и уже удалялся. – Куси никогда не забудет твоего великодушия, но не хочет им пользоваться. Наше богатство слишком различно и не может теперь лежать в одном кошельке.

Проводив глазами друга, он вернулся в свою комнату, ступая медленно и с озабоченным видом, вовсе ему несвойственным.

– Гуго, – сказал он своему оруженосцу, садясь на скамейку, – дай мне вина. Я ничего не ел с утра и чувствую неприятное расположение к грусти.

– Не положить ли в вино варенья? – спросил оруженосец. – Я несколько раз видел, как вы избавлялись таким образом от мрачного припадка любви.

– Как хочешь, Гуго. Но я грущу не от любви.

– Я, однако, думал, что вы влюблены в госпожу Алису, хотя мне показалось странным, что вы оставили ее в Санли, когда могли провожать дальше.

– Мог ли я поступить иначе, когда отец ее ехал к сир де Монморанси, заклятому врагу моего кузена Ангеррана? И к тому же граф Жульен собирается потом в Руан ко двору Иоанна Английского, а я не могу следовать туда за ним.

Эта мысль пробудила воспоминания, не раз омрачавшие его после приезда в Париж, он резко встал.

– Право, этот старик сошел с ума! – воскликнул молодой человек, – а от сумасшествия перейдет скоро к измене. Он вмешивается во все, чтобы придать себе важность, и не способен отступить даже перед возмущением. Однако, если верить д'Оверню, граф был хорошим рыцарем в свое время. Я хотел бы помешать ему играть в эту опасную игру, хотя бы из любви к бедной Алисе.

– Итак, вы любите эту девицу? – спросил Гуго де Барр, о присутствии которого Куси, по видимому, совсем забыл.

– Какое тебе дело? – резко сказал рыцарь. – А если бы и так, я не стал бы заставлять тебя проводить ночь под открытым небом, как в то время, когда я был влюблен в маркизу де Сиракюз.

– Если бы вы ее любили, я охотно проводил бы так ночь, сир Ги, – отвечал с улыбкой Гуго де Барр. – Но я не об этом хотел сказать, – прибавил он, вынимая из кармана носовой

платок, в котором была завернута узкая полоса тонкого сукна, вышитого золотом. – Вы видели на ней этот браслет? Я просил одну из ее горничных украсть его.

– Как, негодяй! – вскричал Куси, не зная, стоит ли ему смеяться или сердиться. – Ты позволил себе такую дерзость?

– Если вы находите это дурным, сир Ги, я могу возвратить добычу. Правда, госпожа Алиса знала, что ее горничная украла этот браслет, но все-таки это воровство. Правда также, что она захотела узнать, в чьи руки он перейдет, и узнав, что в ваши, не рассердилась. Но это не мешает возвратить браслет, и я верну его, если вы прикажете.

– Дай его мне, мой добрый Гуго, – отвечал Куси, схватив браслет с живостью, которая заменяла благодарность. – Глупость сделана, не надо же усугублять ее пренебрежением. Но я не знал, что ты так опытен в любовных делах. Где ты набрался опыта?

– У меня есть союзники, – отвечал старый оруженосец, глядя седые усы с комическим чванством. – Госпожа Гертруда, которая была красавицей в свое время, нашла, что я, должно быть, был красавцем в свое время, и очень ко мне расположилась. Она имеет возможность слушать, и так как она любит делиться услышанным, я получил сведение, которое имеет свою цену.

– Какое?

– Вы помните, конечно, Гийома де Ла Рош-Эймона, этого маленького рыцаря, надменного и самонадеянного, которого мы встретили в Вик-ле-Конте и которого вы всегда находили между госпожой Алисой и вами?

– Конечно, и я не раз желал насадить его на мое копьё и вылечить надолго от охоты вставать на моем пути.

– Ну, сир Ги, кажется, он обнаружил намерение находиться если не на вашей, то по крайней мере на дороге госпожи Алисы, а так как он богат и очень любим английским королем, а старый граф Жюльен очень ценит эти два преимущества...

– Надо лишить его возможности воспользоваться ими, хочешь ты сказать, и послать ему вызов?

– Нет, сир Ги, госпожа Гертруда подала мне совет получше. Вместо того, чтобы употреблять насилие, что отдалило бы от вас графа Жюльена, воспользуйтесь несколькими днями, которые он должен провести в вашем замке, чтобы получить признание госпожи Алисы, если это еще не сделано.

– Увы, нет! – со вздохом ответил Куси.

– Вы его получите, я в этом не сомневаюсь, а с ее обещанием можете идти наперекор всем соперникам на свете, потому что она останется вам верна. Но сир Жюльен не должен от нас ускользнуть, а так как он очень торопится в Руан, то поедemте к нему навстречу с эскортом достаточным, чтобы лишить его выбора, вздумай он отказаться от приглашения.

– Мы поразмыслим об этом, Гуго, – отвечал Куси. – Но прикажи же оседлать наших лошадей. Как только они будут готовы, мы отправимся в мой замок Куси. После отъезда Тибо эта квартира нагоняет на меня грусть.

Гюго де Барр повиновался, а Куси, как только остался один, тотчас схватил браслет, который положил прежде на стол с притворным равнодушием.

– Она знает, что ее горничная украла у нее этот браслет, – вскричал он в порыве радости. – Она знает, что это для меня, и позволила это!

С восхищением поднес он браслет к губам и покрыв поцелуями. Но вид Галлона, которого он приметил на пороге, с ироническим видом вздернувшего свой нос, как будто шут почувал что-то новое и необыкновенное, неприятно возвратил его к действительности.

– О, это только я, – сказал Галлон, одним прыжком оказавшийся на середине комнаты. – Вы можете продолжать ваши упражнения.

– Откуда ты?

– Ходил смотреть на сумасшедших, хотя для этого мне не обязательно было уходить отсюда.

– Берегись, как бы тебя не выдрали за уши, и старайся отвечать мне серьезно, ведь я знаю очень хорошо, что шутом ты бываешь только когда тебе это удобно. Куда ты ходил сегодня? Тебя не было более двух часов.

– Я ходил, – с важностью отвечал Галлон, – посмотреть, как выглядит волк в овчарне и как поведет себя пастух, видя, что ласкают его овцу.

– Что ты хочешь сказать, негодяй? – вскричал Куси. – Перестань говорить аналогиями, или твоя шкура пострадает. Выкладывай все как есть!.

Он схватил его за руку, чтобы не дать шуту, благодаря присущей ему ловкости, ускользнуть от ударов, которые навлекала на него его дерзость.

– Полно, полно, не сердитесь, – отвечал Галлон. – Вы хотите, чтобы я объяснился? Как вам угодно.

Приняв лукавый вид, который напускал на себя, принося какое-нибудь неприятное известие, он продолжал:

– Вы узнаете, во-первых, что я ходил во дворец осведомиться у одного из моих друзей, который влюблен в красоту моей физиономии, правда ли, что король Филипп захватил имение графа де Танкервиля, мужа вашей тетки. Весть подтвердилась.

Он даже приказал, чтобы доходы шли в его сундуки, а это доказывает, что он король благоразумный и экономный, ха-ха-ха! Так что мы остаемся бедны по-прежнему.

– Что мне за нужда? – сказал Куси, пожав плечами. – Пусть забирает. Мне приятнее, что они будут в руках короля, чем у герцога Бургундского. Но ты не ускользнешь от меня таким образом, негодяй. Что ты хотел сказать с твоим волком и овчарней?

– А просто вот что: перед отъездом граф Тибо, как любезный рыцарь, отправился узнать о здоровье королевы, а королева, в признательность за его вежливость, показала у окна и поклонилась ему с горестным видом. Они думали, что их не видит никто, но я на них смотрел, ха-ха-ха!

Куси вздрогнул, пораженный тем оцепенением, которое охватывает нас, когда обстоятельство, которое оставалось нам непонятно, хотя долго находилось перед нашими глазами, вдруг является в настоящем своем свете.

– Это невозможно! – вскричал он. – Ты лжешь, негодяй!

– Я лгу? Ха-ха-ха! Если бы я лгал, вы проглотили бы мое известие без такой гримасы, сир де Куси. Но истина всегда пугает безумцев, а это истина. Когда граф Тибо приехал к вам в Палестину, не был ли он весел как зяблик? Не продолжалась ли его веселость до тех пор, пока он не узнал о замужестве Агнессы Меранской? В тот день, в вашей палатке, не сделался ли он при этой вести бледнее своего белого плаща? Не с тех ли пор граф похудел и иссох, и постоянно печален как сова? Ха-ха-ха!

– Перестань насмехаться, негодяй! – сказал Куси строгим тоном. – И знай, что если даже Тибо и любит королеву, то по законам чести – как множество иных благородных рыцарей, которые посвятили свое сердце, свое копьё и свои песни знаменитым принцессам, не тая ни малейшей мысли, способной опозорить их.

– Ха-ха-ха! – заливался Галлон. – Ха-ха-ха!

Видя, что на лице Куси собирается черными тучами гнев, Галлон вырвался от него и убежал с насмешливым хохотом. Но Куси не обратил на это внимания, до того он был озабочен услышанным.

«Возможно ли, чтобы я был слеп до такой степени? – думал он. – И в два года не приметил того, что этот шут узнал за одну минуту? Ах, д’Овернь, д’Овернь! Я жалею о тебе до глубины моего сердца, потому что если ты полюбил такую знатную и прелестную даму, то будешь любить ее до самой смерти! И любить без надежды, я тебя знаю: ты не захочешь обесславить ее

и предпочтешь умереть, чем толкнуть ее на поступок, который унизил бы ее в твоих же глазах. А Филипп, как он ревнив! Я не хотел бы в обмен на целое герцогство любить без надежды. Но что ни случилось бы, д'Овернь, ты найдешь меня рядом. Если я не смогу разделить твое состояние, то смогу по крайней мере разделить твои опасности и не брошу тебя.

Возвращение Гуго де Барра прервало размышления Куси. Оруженосец уведомил своего господина, что лошади готовы, и в то же время положил на стол небольшой кожаный мешочек, по-видимому наполненный деньгами.

– Что ты принес? – спросил Куси.

– Выкуп за лошадей и доспехи двоих рыцарей, которых вы выбили из седла на турнире.

– Расплатись с людьми, которых мы наняли в Оверни, чтобы отвести моих арабских лошадей, ипусти их.

– Они не хотят брать денег, сир Ги, и просят, чтобы им купили на их жалованье лошадей и вооружение и позволили служить под вашим знаменем.

– Я не хочу им отказывать, однако Бог весть чем я буду их кормить. Но все-таки два человека прибавятся к моей свите. Отведи их на улицу Сен-Виктор, где живут оружейники, и купи им полное вооружение. Но позаботься, чтобы они бросили эти огромные ножи, которые бьют им по пяткам и придают разбойничий вид. Я не хочу, чтобы думали, будто у меня служат разбойники. Я не стану тебя ждать. Но ты можешь, если поторопишься, догнать меня на дороге. Мы поедем шагом.

Куси позвал пажа, приказал ему собрать свиту, сам приготовился к отъезду и поспешно вооружился. Через четверть часа он выехал из Парижа и направился с небольшим отрядом по дороге в свой замок Куси-Маньи. Он ехал туда в печальном расположении духа. Не только отъезд Тибо и затруднения, которые он предчувствовал в своей любви к Алисе, нарушили его природную веселость. Его тяготила перспектива довольно продолжительного пребывания в старом замке, где его не встретит ни одна дружеская улыбка, где царил беспросветная бедность. Он не мог свыкнуться с мыслью, что должен вернуться в край, где его предки жили на широкую ногу, и найти там только одиночество или пустые воспоминания о богатстве, которое было растрчено на крестовые походы.

Один из его предков, который в царствование Генриха I¹ принадлежал к младшему ответвлению рода Куси, оказал важные услуги престолу и был вознагражден рукой Элеоноры де Маньи, которая владела последней свободной землей во Франции, и ее семейство сохранило эту землю со всеми привилегиями, несмотря на усилия соседних феодалов и даже французских королей. Отец ее, отправившийся в крестовый поход с Людовиком VII², перед отъездом отдал свои владения под покровительство французской короны, и залог этот был уважен. Но он значительно уменьшился: многие земли были проданы впоследствии за долги или отданы ростовщикам-евреям в обмен на новые ссуды.

Замок Куси-Маньи был один из самых укрепленных и самых неприступных в Иль-де-Франсе. Он уже почернел от времени в то время, когда Куси отправился в Святую Землю, но каждый камень тогда был на своем месте: не виднелось ни одного растения во рвах, старательно поддерживаемых, или на зубцах стен, постоянно готовых к обороне. Прошло десять лет, а на замке уже проступили признаки запустения.

Когда Куси въехал со своей свитой на извилистую и дурно проложенную тропинку, ведущую к главным воротам, солнце скрылось за холмом, на котором величественно возвышался замок, и хозяин уже издали мог приметить часть этих опустошений.

Большая квадратная башня, такая правильная и прекрасная, потеряла один угол. Окна и бойницы исчезли под могучей и раскидистой зеленью ползучих растений, и по дурной дороге,

---

¹ Генрих I – король Франции в 1031–1060 гг. Представитель династии Капетингов.

² Людовик VII – король Франции в 1137–1180 гг. Отец Филиппа Августа.

по удивленному и непуганому виду диких зверей, показывавшихся на опушке соседнего леса, легко было заметить, что эти места, прежде кипевшие свойственной феодальному гнезду жизнью, мало-помалу превратились в бесплодную пустыню.

Куси невольно замедлил коня, как будто опасался въезжать внутрь, и не мог удержаться от вздоха, очутившись перед наружными воротами замка, сделанными из толстых дубовых досок, обитых железными полосами и представлявших еще грозную преграду.

Куси затрубил в рог, возвещая о своем приезде, и через минуту услышал стук отодвигающихся запоров. Но шум вдруг прекратился, когда голос, надтреснутый, как у старика, воскликнул со страхом и гневом:

– Постой, Калор, постой! Это шайка разбойников. Я видел их с башни. Не отворяй, говорю тебе, и позови слуг, или лучше ударь в набат. Если солдаты услышат, они поспешат к нам на помощь.

– Онфруа! – закричал Куси, – Онфруа, отвори ворота. Это я, Ги де Куси, твой господин.

– Я не узнаю этого голоса, – сказал старик. – Это голос не моего господина. Все это одна хитрость, Калор. Поди, я говорю, ударь в набат.

– Если ты не узнаешь моего голоса, – отвечал Куси, – ты должен по крайней мере узнать звук моего рога.

Поднеся свой рог к губам, он протрубил коротенькую руладу, которой старик научил его.

Онфруа разразился радостным восклицанием.

– Это он! Это он! – закричал он. – Отвори дверь, Калор, отвори скорее, я боюсь, что я умру от радости прежде, чем увижу его. Да будет благословенна св. Дева, это он! Дай мне ключи, Калор, дай мне ключи, я сам отворю.

Распахнув ворота, старик бросился на колени перед лошастью своего молодого хозяина.

– Пожалуйте, благородный господин, – произнес он голосом, дрожащим от радости и волнения, – и вступите во владение всем, что принадлежит вам. Да благословен Господь, милое дитя, а с ним вместе и св. Мартин Турский, которому я не переставал молиться с утра до вечера, за то, что воротили вас здоровым и невредимым из Палестины, где ваш знаменитый отец и столько храбрых людей оставили свою жизнь. Вот ключи от вашего замка, – продолжал старик, подняв на Куси затуманенные слезами глаза, – однако я с трудом могу поверить, что вы тот самый Ги де Куси, которого я учил стрелять из лука, этот шалун, который не доставал мне до плеча, когда уехал в Святую Землю. Не обманываете ли вы меня? Нет, я узнаю голубые очи и тонкие насмешливые губы. Не слышал ли я притом, что он сделался знаменитым рыцарем, страхом сарацинов и победителем на всех турнирах? Да, сир Ги, да, мне рассказывали все это.

Тронутый безумной радостью старика, Куси слушал его не прерывая. Он чувствовал, что его сердце, опечаленное грустными размышлениями, точно согрелось от этих простодушных выражений привязанности.

– Да, это я, мой добрый Онфруа, – сказал он наконец. – Оставь у себя эти ключи, оставь их, говорю я тебе, они не могут находиться в лучших руках. Теперь пойдем. Я привез тебе небольшое подкрепление, как ты видишь, но, если нас немного, аппетит у нас хорош, и я надеюсь, что ты настолько запасся провизией, что наш приезд не застигнет тебя врасплох.

Возвращенный этим вопросом к материям более приземленным, старик в явном замешательстве поскреб голову.

– Ну, сир Ги, – сказал он после минутного размышления, – мы заколем свинью. Стоит вам знать, – прибавил он в виде объяснения, – что после вашего отъезда я с особым рвением занялся разведением только этих животных, которые не стоят мне ничего, ибо в лесу много желудей, и свиньи очень размножились. Я перестал возиться с коровами и курами, которые едят много, а приносят мало. К тому же я их продал два года назад, чтобы послать вам денег в Святую Землю.

– Хорошо, хорошо, мой добрый Онфруа, – улыбаясь, сказал Куси. – Мы не разборчивы. Мы просим только дать нам поужинать.

Пройдя через внутренний двор, Куси вошел в главную залу замка, двери которой распахнулись перед ним.

Калор, исполнявший у сенешала роль подсобного рабочего, побежал вперед зажечь факел, потому что приближалась ночь, и огромная комната, едва освещенная узкими окнами, была темна. И дрожащего света единственного факела не хватало, чтобы разогнать темноту. Он едва позволял различать потускневшее и заржавленное оружие, развешанное на стене, да пять или шесть слуг, которых привело сюда любопытство, которые стояли на конце залы неподвижно и безмолвно и казались в этом необычайном свете готовыми исчезнуть призраками. Испуганные летучие мыши улетели, хлопая крыльями по старым знаменам, висевшим на сводах, и шум шагов рыцаря пробудил в соседних залах и коридорах продолжительное эхо, которое казалось голосом уединения, жаловавшимся на нарушенный покой.

Куси, войдя в сырую и мрачную залу, почувствовал в сердце ледяной холод.

– Не говори теперь со мной, мой добрый Онфруа, – сказал он старому сенешалу, который хотел опять приняться за свою болтовню, – я не расположен разговаривать. Но вели развести огонь в этом камине: здесь холодно, как в январе, и принеси мне мою библиотеку. Я почитаю какой-нибудь пергамент в ожидании ужина. Ступай, говорю тебе, и не заставляй меня ждать.

Старик повиновался, а Куси, сев в кресло, где сидели его предки, верша суд, предался размышлениям еще более мрачным, чем мысли, занимавшие его во время путешествия.

Между тем Калор бросил в камин огромные дубовые поленья, которые вязанка сухих ветвей скоро превратила в пылающий костер, и пока свита рыцаря занималась лошадьми в конюшнях, Онфруа, радуясь, что может услужить своему господину, поставил возле огня бутылку старого вина, а на скамью – библиотеку. Эта библиотека состояла из деревянной шкапулки небольшого размера, в которой лежало несколько пыльных рукописей.

Куси, будучи человеком грамотным, потому что его готовили к духовному званию, пока смерть старшего брата не превратила его в наследника имения, отпер шкапулку и вынул оттуда первый свиток, попавшийся под руку.

Это был наивный рассказ о турнирах и сражениях, и потому ли, что это чтение скоро его заинтересовало, или пламя камина весело освещавшее залу, рассеяло грусть, которую он прежде чувствовал, только когда Куси отозвался на приглашение старика Онфруа, деловито суетившегося около стола, и встал ужинать, все следы его меланхолии исчезли.

В эту минуту у ворот замка раздался звук рога.

– Отопри ворота и посмотри, кто к нам едет, – сказал Куси с удивлением. – Час для визитов слишком поздний.

– Ради бога, сир Ги, не приказывайте отпирать! – вскричал старый сенешал, побледнев. – Вы не знаете, какому риску это может подвергнуть нас. Все соседние бароны прогнали разбойников со своих земель на ваши под предлогом, что это свободная земля, и в соседних лесах их больше двух тысяч. Будьте осторожны, мой любезный господин, умоляю вас.

– Если так, – сказал Куси с усмешкой, – как ты можешь посылать в лес свиной, о которых мне говорил?

– Я... условился... – отвечал старик, колеблясь, как будто опасался последствий своего ответа, – с атаманом разбойников, что если он пощадит моих свиной и никогда не покажется в виду замка, то я каждый месяц буду ему платить дань в две жирных свиной.

– Дань! – вскричал Куси, ударив по столу кулаком. – Дань атаману разбойников?!

Потом, вдруг преодолев свой гнев и печально покачав головой, он прибавил:

– Ах, мой бедный Онфруа, до какой степени унижения мы дошли, если сенешал рода Куси принужден, даже в его отсутствие, платить дань разбойникам! Но ты говорил о слугах, когда я приехал: сколько у тебя остается?

– Девять, сир Ги, не считая трех стариков. Но моя рука потеряла силу, а Калор, хотя человек свободный, никогда не носил оружия.

– Сколько вассалов обязаны доставлять нам по одному человеку? – продолжал Куси.

Он вдруг замолчал, услышав звук рога во второй раз.

– Отворите ворота, – сказал он Калору. – Хотелось бы видеть разбойника такого смелого, который ступил бы ногой в эту залу, когда сир де Куси может защищать свой дом. Так сколько вассалов, Онфруа?

– Пять, сир Ги, – отвечал старик, бросая тревожный взгляд на дверь залы, которую Калор оставил отворенной. – И то они обязаны только в военное время служить сорок дней.

– А теперь, Онфруа, – сказал молодой рыцарь стоявший на пороге в такой спокойной и гордой позе, как будто был окружен многочисленной свитой, – отчего ты боишься этих разбойников, если платишь им дань?

– Оттого, что я не заплатил ее в прошлом месяце, сир Ги. В Маньи пришел гарнизон королевских солдат, а так как они могут в городе услышать звук нашего набата... Посмотрите, сир Ги, вот они въезжают на двор с факелами! Что я вам говорил?

Куси посмотрел на двор и увидел довольно многочисленный отряд всадников. С минуту он думал, что опасения старого сенешала были обоснованы, но блеск факелов осветил вдруг лица всадников и второй взгляд совершенно успокоил рыцаря.

– Это не разбойники, Онфруа, – сказал он старому сенешалу, – а мирные гости, которых надо принять как можно лучше. А насчет разбойников будь спокоен, я скажу им два слова, прежде чем пройдет пара дней, и они найдут лес Куси-Маньи слишком жарким, чтобы провести в нем остаток лета. Могу ли я узнать, кто удостоил меня своим посещением? – вежливо осведомился он всадника, сошедшего с лошади у дверей залы.

– Гийом де Ла Рош-Эймон, – отвечал всадник.

Куси вздрогнул, и молния гнева промелькнула в его глазах. Но тотчас сдержав это первое движение, которого не успел преодолеть, он поспешно пошел навстречу к незнакомцу и приветствовал его.

Это был молодой человек маленького роста, хлипкий, но с лицом миловидным, хотя и несколько женственным. На нем были рыцарские шпоры, а богатый костюм и многочисленная свита указывали на высокое звание.

– Я прошу у вас гостеприимства для моей свиты и для меня, – сказал Гийом де Ла Рош-Эймон. – Мы заблудились в этом лесу, который проезжали в первый раз... Но мне кажется, что мы уже виделись! – вскричал он, узнав Ги де Куси, и легкая бледность разлилась по его лицу.

Но Куси сделал вид, будто не заметил этого. Как благородный рыцарь, он умел выказывать гостеприимство, и, напомнив Гийому, что они встречались при дворе графа д'Оверня, любезно пригласил его войти в залу.

– Я сам только сейчас приехал после десятилетнего отсутствия, – продолжал он, – и боюсь, что мой замок – печальное убежище для гостя вашего звания. Но, тем не менее, добро пожаловать. Ну, Онфруа, подавай нам все, что у тебя есть лучшего, и подавай скорее.

– Ха-ха-ха! – рассмеялся Галлон, голова которого выглянула из полуотворенной двери. – Лисица бросилась в логовище льва, а лев вежливо протягивает ей лапу вместо того, чтобы растерзать!

– Я отколочу тебя, Галлон, – пообещал Куси, покраснев от гнева. – Ночь не пройдет без того, чтобы ты не получил наказания за твою дерзость.

Обернувшись к Гийому де Ла Рош-Эймону, которого явно смутила эта выходка, Куси сказал в виде извинения:

– Это фигляр, бедняга, которого я выкупил у неверных, в руки которых он попал. Негодяй, должно быть, прежде недостатка в уме не имел, да и теперь не всегда бывает так безумен, каким хочет казаться. Однажды, когда он сыграл какую-то злую шутку со своим языческим

господином, сарацин привязал его к лошадиному хвосту и привез продавать в наш лагерь во время перемирия, тащив его таким образом больше мили по горячему песку, что расстроило ему мозг, и с тех пор на него временами находит.

Вскоре был подан ужин. Он был изобилен, но не разнообразен, потому что кроме двух несчастных тощих кур, которыми Онфруа пожертвовал, чтобы отпраздновать возвращение своего властелина, весь ужин состоял из неискусно приготовленной свинины.

Де Куси и его гость сели за стол один против другого, а свободные люди, составляющие их свиту, заняли остальные места. Посуда соответствовала кушаньям, потому что за исключением двух серебряных старинных кубков все остальное составляли глиняные горшки и оловянные блюда, и нищета, выставленная напоказ посторонним лицам, глубоко уязвляла гордость Ги де Куси.

Но гостеприимство и обстановка, по-видимому, вполне удовлетворяли гостя. Он расхваливал превосходное вино и с большим аппетитом воздавал честь поварскому искусству Онфруа, так что смущение де Куси очень скоро рассеялось, и он весело шутил и смеялся со своим посетителем. С кубком в руках они пели и пили по кругу. Наконец в завершение пиршества Куси приказал позвать Галлона и натянуть веревку через всю залу. В этот вечер шут отличился и совершал необыкновенные штуки фиглярского искусства.

– Да что у него нос-то, поддельный что ли? – спросил Гийом, которого очень забавляла физиономия Галлона.

– Нет, это его натуральный нос. По крайней мере, я никогда не видал у него другого.

– Возможно ли такое? Ничего подобного на свете не бывало! Ведь это настоящая сарделька по размеру, по цвету, и по форме. Никогда не поверю, чтобы это был человеческий нос.

– Галлон! – крикнул Куси. – Принеси-ка сюда свой нос и докажи рыцарю, что это твоя неоспоримая собственность.

Галлон мигом повиновался и, приближаясь к Гийому, совершал носом такие быстрые и разнообразные движения, что сомнения никакого не оставалось – нос был его собственностью.

Но Гийом не удовлетворился этим доказательством, и, лишь только Галлон остановился рядом с ним, он схватил его нос двумя пальцами и так дернул, что самая упорная подозрительность должна была рассеяться. Галлон выхватил до половины свой кинжал, но Куси, грозно нахмутив брови, закричал:

– Оставь! Что он у тебя взял?

Кинжал тотчас опустился в ножны. Сам Галлон обратил все в шутку и, метнувшись назад, раза четыре перекувырнулся и со смехом убежал.

– Признаюсь, будь он хоть король, у меня неостало бы сил противиться искушению, – сказал де Ла Рош-Эймон, рассмеявшись. – Не нос, а диковина, и сколько величия придает он физиономии!

– Величие безобразия. Но будьте с Галлоном осторожнее – он мстителен и лукав, как обезьяна.

– Не беда! Я подарю ему два золотых и думаю, что недорого заплачусь за честь прикосновения к такому носу.

Вечер кончился среди шуток и смеха. Де Куси, желая почтить гостя, сам проводил его в спальню.

На другой день с восходом солнца в замке все пришло в движение. Гийом де Ла Рош-Эймон подал уже знак к отъезду, когда Куси вышел на парадный подъезд и стал его убеждать погостить несколько дней, но Гийом отказался. Тогда хозяин объявил причину своего приглашения, которая казалась ему непреодолимой.

– Я узнал, – сказал он, – что в мое отсутствие в соседних лесах обосновалась шайка разбойников, и мне хочется выжить их острым копьем. В моей свите три десятка людей, а так как ваша тоже состоит из тридцати воинов, то мне пришло в голову, что вы могли бы

присоединиться к нашей экспедиции. У нас не будет недостатка в работе, и я почти за счастье поделиться этой честью с таким достойным рыцарем, как вы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.